ПРОЦЕССЪ КН. ВОРОНЦОВА

ПРОТИВЪ

КН. ДОЛГОРУКОВА.

РѢЧЬ Г. МАТЬЕ

Адвоката Кн. Воронцова,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ЗАСѢДАНІИ ПЕРВОЙ ПАЛАТЫ ГРАЖДАНСКАГО СУДА ВЪ ПАРИЖѢ,
15 НОЯБРЯ 1861 ГОДА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Съ приложеніемъ литографированныхъ снимковъ съ письма Кн. Долгорукова и безъименной записки.

БЕРЛИНЪ 1862.

ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ Б. ВЕРА (Э. БОКА).

UNTER DEN LINDEN 27.

2 экз
т.

6 1/3
37

Издавая переводъ замѣчательной рѣчи одного изъ лучшихъ Парижскихъ адвокатовъ по дѣлу Кн. Воронцова съ Кн. Долгоруковымъ, мы просимъ позволенія сказать нѣсколько словъ вступленія для ясности читателей.

Процессъ этотъ гражданскій. Онъ начался въ 1 камерѣ гражданскаго суда въ Парижѣ. Адвокатъ Кн. Воронцова, Матьё, какъ представляющій истца долженъ былъ говорить первый и доказывать свой искъ. Эту то его первую рѣчь мы печатаемъ. Она произнесена въ публичномъ засѣданіи 15 Ноября 1861 года, на которомъ находились лично и сами тяжущіеся, т. е. Кн. Воронцовъ и Кн. Долгоруковъ.

IV

Въ слѣдующемъ засѣданіи 13 Декабря 1861 года на эту рѣчь отвѣчали адвокаты Кн. Долгорукова, Мари, и журнала *Courrier du Dimanche*, Шоде. Мы ограничились переводомъ одной только рѣчи Матьё, какъ потому что не имѣли въ рукахъ полной рѣчи Мари, такъ и потому, что она далеко не представляетъ той занимательности, не отличается такою бойкостію и строгостію выводовъ, какъ первая. Единственное возраженіе Мари заключалось въ намекѣ, что поводъ къ процессу не оскорбленіе фамиліи Воронцовыхъ, но изданіе Кн. Долгоруковымъ книги о Россіи, что поводъ этотъ, однимъ словомъ, не частный, а политическій. Въ оправданіе Кн. Долгорукова онъ старался основаться на правѣ необходимой обороны, говоря, что Кн. Долгоруковъ, задѣтый въ своей чести статьею *Courrier du Dimanche*, имѣлъ право защищаться такъ, какъ онъ это сдѣлалъ. Мари не отвергнулъ сходства безъименной записки съ подлинными письмами Кн. Долгорукова, а только предостерегъ Судъ отъ ошибочности сужденія на основаніи сходства почерковъ. Онъ не далъ также удовлетворительнаго объясненія тѣхъ противорѣчій, которыя бросаются въ глаза между разсказомъ Кн. Долгорукова и самыми происшествіями.

Но что же это за книга Кн. Долгорукова, быть можетъ спросятъ насъ читатели, которая, какъ хотѣлось доказать Г. Мари, могла дать поводъ къ такому процессу? Входить въ ея подробный разборъ не позволяютъ намъ ни цѣль этой брошюры, ни краткость этого вступленія, но для совершенно незнакомыхъ съ нею мы скажемъ слѣдующее: книга Кн. Долгорукова названа: Правда о Россіи; правильнѣе было бы назвать ее не о Россіи, а противъ Россіи. Правда въ ней также требуетъ объясненія. Кн. Долгоруковъ собралъ нѣсколько болѣе или менѣе достовѣрныхъ анекдотовъ изъ русскаго міра, какихъ о любой странѣ міра можно собрать, не исключая даже свободной Англіи, и изъ этого тощаго матеріала составилъ съ завидною смѣлостію и рѣпнительностію злѣйшую ругательную книгу противъ Россіи, дополнивъ недостаточность матеріаловъ своими разсужденіями и взглядами. Добросовѣстнаго изученія Россіи, и знанія ея въ этой книгѣ нѣтъ, потому что анекдотическая исторія какой бы то ни было страны далеко еще не будетъ настоящею ея исторіею. Противъ каждаго изъ приведенныхъ Кн. Долгоруковымъ анекдотовъ можно очень легко разсказать ему такіе же изъ всѣхъ возможныхъ странъ, и дру-

гіе, совершенно противоположные, изъ русской жизни. Вотъ что мы считали нужнымъ замѣтить о книгѣ Кн. Долгорукова, о которой впрочемъ читатель встрѣтитъ не одно указаніе въ рѣчи Г. Матьё.

МИЛОСТИВЫЕ ГОСУДАРИ.

Въ недавнемъ времени знаменитыя фамиліи обращались къ Вашему правосудію.[1]) Онѣ просили, — не хочу сказать мести, — этого слова Вы бы мнѣ не позволили, — но защиты закона противъ поношеній, которымъ подверглась память ихъ родоначальника, освященная общимъ уваженіемъ. Судебныя пренія, въ которыхъ мой теперешній противникъ принималъ важное участіе, незабытое конечно и Вами, представили тогда къ разрѣшенію вопросъ весьма щекотливый и трудный. Знаменитыя имена, о которыхъ шло дѣло, были въ связи съ величайшими событіями нашего вѣка; — въ этомъ смыслѣ они принадлежали исторіи; исторія должна была предъявить на нихъ свои права и дѣйствительно предъявляла

---

[1]) Адвокаты говорятъ свои рѣчи, обращаясь къ судьямъ, а не къ публикѣ.

ихъ. Такимъ образомъ съ одной стороны преданіе семействъ, ихъ чувство самоуваженія, связанное съ уваженіемъ къ памяти своего родоначальника, законныя требованія ихъ оскорбленной чести располагали въ ихъ пользу Вашъ умъ и сердце; но съ другой являлись права, преимущества, безусловныя требованія современной исторіи. Ваше благоразуміе успѣло восторжествовать надъ всѣми затрудненіями и благодаря Вашимъ рѣшеньямъ, которыя излишне бы было напоминать Вамъ, нынѣ, во Франціи, всякой знаетъ, что память мертвыхъ ограждена отъ неблагонамѣренныхъ нападеній точно также, какъ честь и достоинство живыхъ. Хвала Вашимъ, М. Г., мудрымъ рѣшеніямъ.[1])

[1]) Г. Матье разумѣетъ здѣсь процессъ, бывшій въ прошедшемъ году, между наслѣдниками Принца Евгенія Богарне, пасынка перваго Наполеона и издателемъ записокъ Маршала Мармона, Герцога Рагузскаго. Въ этихъ запискахъ выставлялись дѣйствія Принца Евгенія въ 1813 и 1814 годахъ, во время кампаній Наполеона въ Германіи и Франціи, въ двусмысленномъ свѣтѣ, какъ бы имѣвшими цѣлію отдѣлить себя отъ Наполеона въ это бѣдственное для него время, неисполненіемъ его приказаній привести свою Италіянскую армію на соединеніе съ французскою для защиты Франціи. Наслѣдники Принца Евгенія доказывали, что это клевета Маршала Мармона противъ Принца Евгенія и въ под-

Но если предметъ процесса, подлежащаго теперь Вашему суду, и наводитъ меня на эти воспоминанія, онъ не поставляетъ однако предъ Вами тѣхъ трудныхъ вопросовъ, о которыхъ я упомянулъ. Я являюсь отъ имени сына, отъ имени кн. Семена Воронцова, просить Вашей защиты и правосудія противъ нападеній, направленныхъ на память знаменитаго человѣка, память для него дорогую и священную. Исторія не имѣетъ участія въ нашей борьбѣ. — Всѣ факты, на которыхъ основанъ споръ, принадлежатъ исключительно частной жизни. — По этому я убѣжденъ, что въ основаніи, въ принципѣ иска я не встрѣчу и тѣни возраженій со стороны моего противника, и еслибъ я не имѣлъ другихъ причинъ, этой одной было бы достаточно, чтобы, оставивъ это вступленіе и общіе взгляды, перейти безъ замедленія къ разсказу самыхъ фактовъ, которые послужили поводомъ къ настоящему процессу.

Вотъ эти факты:

Человѣкъ, который также носитъ знаменитое

твержденіе представляли его переписку съ Императоромъ. Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу наслѣдниковъ и обязалъ издателя при каждомъ экземплярѣ записокъ, имъ изданныхъ, приложить и приговоръ суда, возстановляющій честь Принца Евгенія противъ клеветы Маршала Мармона.

имя, который по своему происхожденію и несомнительной родословной связанъ съ самыми древними и благородными воспоминаніями Русской исторіи, — человѣкъ, оставившій свое отечество при условіяхъ и обстоятельствахъ, которыхъ я незнаю, о которыхъ, — даже еслибъ и зналъ ихъ, — я удержался бы говорить предъ Вами, — Князь Долгоруковъ, живущій попеременно въ Англіи и во Франціи, въ 1860 году издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Правда о Россіи.“ Благодаря Бога не эта книга подлежитъ теперь Вашему суду и объ ней, къ счастію для меня, мотетъ быть, къ счастію и для нея, — мнѣ нечего Вамъ сказать. Что такое эта правда о Россіи? Пасквиль, или истинная исторія? Представлено ли въ ней русское правительство въ настоящемъ видѣ, или оклеветано? Это вопросы, которые ни прямо, ни косвенно не относятся къ моему дѣлу. Скажу лишь одно: это — что я, будучи и по происхожденію, и, прибавлю, по убѣжденіямъ, совершенно чуждъ вопросамъ, которыхъ касается авторъ, несмотря на то отъ всего сердца желаю, чтобы его книга была не исторія, а пасквиль, не одно лишь злое разглашеніе дурнаго о своемъ отечествѣ, но прямая клевета. При этомъ нельзя не замѣтить одной вещи. Если, въ самомъ дѣлѣ, въ этой книгѣ одно лишь разглашеніе вещей дѣйствительныхъ, то, надобно сознаться, оскорбленіе,

наносимое ею Россіи, могло ей быть сдѣлано только однимъ изъ ея сыновъ. Только человѣкъ, жившій въ самомъ сердцѣ Россіи, могъ выставить на показъ передъ свѣтомъ всѣ ея скандальныя исторіи, всѣ подлости и мерзости. Эти слова мои очень сильны, но ни одно не равняется съ тѣми что находишь въ этой книгѣ и что авторъ предаетъ общему негодованію и отвращенію, считая себя въ правѣ все это утверждать положительно. Повторю опять — о книгѣ мнѣ нечего говорить, она къ дѣлу не относится. Можетъ быть будетъ попытка привязать ее къ сущности нашего процесса, но если мой противникъ сдѣлаетъ это, я предоставляю себѣ отвѣчать ему. Я не нападаю ни на книгу, ни на автора; я предъявляю искъ отъ имени кн. Воронцова, защищаю память его отца — ни болѣе, ни менѣе. — Весь процессъ ограничивается только этимъ предметомъ, единственнымъ, повергаемымъ на Ваше сужденіе.

Я сказалъ, что книга Кн. Долгорукова издана въ 1860 году. Въ одномъ парижскомъ журналѣ: *Courrier du Dimanche*, 29 Апрѣля 1860 г. помѣщенъ библіографическій отзывъ объ ней. Библіографическая статья появилась съ подписью: А. Мишенскій. Она служитъ исходною точкою, первымъ поводомъ къ тѣмъ клеветамъ, противъ которыхъ мы просимъ суда,

а потому весьма важно сейчасъ же представить ее всю, безъ сокращеній и комментаріевъ. Вотъ она:

Правда о Россіи

сочиненіе русскаго.

(внизу, подъ статьею, прибавлено: Правда о Россіи Кн. Петра Долгорукова, въ книжной лавкѣ Франка. Парижъ 1860.)

"Кто непомнитъ какая поднялась буря во всѣхъ "гостиныхъ всѣхъ Европейскихъ столицъ, во всѣхъ "журналахъ всѣхъ странъ, когда появилось сочи- "неніе Маркиза Кюстина о Россіи. — Благороднаго "автора не щадили; жестокая бранъ и всевозможныя "оскорбленія посыпались на него; говорили, что онъ "употребилъ во зло гостепріимство, оказанное ему "Императоромъ Николаемъ и Петербургскою аристо- "кратіею. Кто непомнитъ, какъ вскорѣ послѣ того, "нашъ извѣстный романистъ, Бальзакъ, поѣхавшій "въ Петербургъ, встрѣтилъ тамъ такой холодный "пріемъ, что воротясь говорилъ, что ему досталась "отъ русской аристократіи пощечина, назначенная "Кюстину."

"И что же? — Теперь передъ нами лежитъ "книга о Россіи конечно далеко болѣе любопытная, "чѣмъ книга Кюстина, это — Правда о Россіи, "Кн. Петра Долгорукова, русскаго барина, потомка

"Кн. Якова Долгорукова, извѣстнаго въ Русской "исторіи народнаго патріота."

Теперь слѣдуютъ два параграфа, на которые я буду Васъ просить обратить особенное вниманіе.

"Задача критика очень трудна въ оцѣнкѣ со- "чиненій обличительнаго содержанія, которыя часто "весьма близко подходятъ къ положительнымъ доно- "самъ и нареканіямъ и почти всегда имѣютъ явною "цѣлью — скандалъ. Не смотря на чрезвычайно "любопытное содержаніе такихъ произведеній, нельзя "не быть крайне осторожнымъ, при разборѣ ихъ, "ибо можешь сдѣлаться невольнымъ и слѣпымъ "орудіемъ личностей и дурныхъ страстей желчнаго "автора. Мало того, буду. лишенъ возможности "серіозно повѣрить слова автора, библіографъ рис- "куетъ сдѣлаться его сообщникомъ распростране- "ніемъ, съ его словъ, фальшивыхъ, или ошибочныхъ "фактовъ."

"Недавно мы имѣли намѣреніе приступить къ "разбору одной книги, которая съ перваго взгляда "казалась намъ очень любопытною. Содержаніе ея "было — родословныя біографіи аристократическихъ "родовъ одной иностранной земли. Но вдругъ намъ "сообщили письмо отъ автора этой книги къ од- "ному изъ значительныхъ лицъ, родословная кото- "раго должна была появиться въ его сочиненіи."

"Этимъ письмомъ категорически предлагалось "заплатить автору сумму въ 50 т. рублей, за что онъ "обязывался уничтожить бывшіе у него документы, "дѣлавшіе, по его мнѣнію, сомнительнымъ прямое "происхожденіе и родъ того лица, къ которому "письмо было обращено. Это лицо, въ благородномъ "негодованіи видя въ такомъ предложеніи постыд- "ную продѣлку, велѣло снять автографные снимки "съ наглой записки автора и разослало ихъ въ ты- "сячахъ экземпляровъ. Одинъ изъ этихъ снимковъ "попалъ къ намъ руки и, показавъ намъ нравствен- "ное значеніе писателя, заставилъ насъ отказаться "отъ задуманнаго разбора его сочиненія, которое въ "нашихъ глазахъ было уже ничто иное, какъ низкій "пасквиль."

Замѣтьте, М. Г., что этотъ разсказъ, этотъ анекдотъ вовсе не въ связи съ разборомъ книги Кн. Долгорукова. Это вступленіе, — что-то въ родѣ пролога. Говорится о какомъ то авторѣ родословныхъ, но онъ не названъ, на него ничѣмъ не указываютъ. Нѣтъ даже ничего, что бы обнаружило какой онъ націи, кромѣ развѣ слова: рубль, указывающаго на Россію. Нѣтъ возможности уловить какую нибудь связь между авторомъ біографій, о которомъ говоритъ Г. Мишенскій и Кн. Долгоруковымъ. Ни слова, ни намека. Болѣе даже: авторъ статьи, какъ будто бы

хочетъ предупредить всякое сближеніе и толкованіе, отклонить отъ автора Правды о Россіи всякое подозрѣніе, даже косвенное, въ разсказанномъ имъ поступкѣ. Вслѣдъ затѣмъ что я привелъ выше и переходя отъ анекдота къ разбору, онъ говоритъ читателю, что не опасается ничего подобнаго отъ автора Правды о Россіи, приступая къ разбору его книги. —

Но можетъ быть мнѣ скажутъ, что это хитрость, лукавая предосторожность плохо прикрывающая злость и ненависть? Вы можете, М. Г., судить объ этомъ по тону самого разбора, который показываетъ въ Г. Мишенскомъ, если не совершеннаго друга и поклонника автора Правды о Россіи, то никакъ уже и не его врага.

Вотъ какъ сдѣланъ переходъ къ разбору сочиненія.

"Конечно не съ подобными чувствами опасенія "принимаемся мы за разборъ Правды о Россіи."

Вы видите: нѣтъ ничего общаго между авторомъ біографій и авторомъ разбираемой книги. Теперь посмотримъ на самый разборъ.

"Начнемъ съ того, что, по нашему мнѣнію, "книгѣ Кн. Петра Долгорукова предстоитъ необы- "чайный успѣхъ, и мы нисколько не удивимся, узнавъ "чрезъ нѣсколько времени, что она достигла 10го,

"даже 20го изданія. Эти 400 страницъ въ 8ю долю "листа, суть ничто иное какъ рѣзкій обвинительный "актъ Кн. Петра Долгорукова противъ своего оте- "чества. Онъ наполненъ самыми необыкновенными "разсказами, самыми неожиданными фактами."

"Помните ли какъ часто пугали Европу на- "шествіемъ Россіи, какъ боялись, чтобы русскій "кнутъ не загналъ ее подъ самовластіе царей. Есть "чего бояться Россіи! Спросите объ этомъ русскаго "князя? Онъ Вамъ скажетъ, что Россія въ полномъ "общественномъ разложеніи, даже самодержавіе су- "ществуетъ лишь по одному преданію; Россія обре- "чена въ настоящее время на самую постыдную изъ "всѣхъ анархій. Это утверждаетъ русскій, мало того, "русскій князь, — бѣдовый мальчикъ русской лит- "ературы, и утверждаетъ это положительно, приводя "ясныя и точныя доказательства.

"Можетъ, въ самомъ дѣлѣ, прійти на мысль, "что Правда о Россіи написана для того, чтобы ус- "покоить робкіе умы на западѣ, которые такъ долго "боялись Московскаго нашествія на образованную "Европу.

"Скажемъ положительно, что изъ всѣхъ сочи- "нителей, писавшихъ о Россіи, отъ Вольтера до на- "шихъ дней, ни одинъ не представилъ еще этой "страны въ такомъ гнусно отвратительномъ, скажемъ

"болѣе, въ такомъ унизительномъ видѣ, а между "тѣмъ мы не можемъ, конечно, упрекнуть автора ни "въ пристрастіи, ни въ невѣжествѣ. Весьма по- "нятно, что надобно было на всегда отказаться отъ "возврата въ свое отечество, чтобы рѣшиться на та- "кую книгу. Какъ бы то ни было, не имѣя того же "знанія фактовъ, и тѣхъ же свѣденій какъ Князь "Долгоруковъ, мы не имѣемъ ни права, ни возмож- "ности сомнѣваться въ его положительныхъ выво- "дахъ и тѣмъ болѣе еще, что мы не можемъ припом- "нить, чтобы когда нибудь какой писатель составилъ "столь неумолимо жестокій обвинительной актъ про- "тивъ своего отечества, не имѣя въ подтвержденіе по- "ложительныхъ, безспорныхъ фактовъ мы должны "пока принять книгу Кн. Долгорукова если и не съ "безусловнымъ довѣріемъ, то съ особеннымъ и тща- "тельнымъ вниманіемъ, и смотрѣть на князя-ав- "тора, какъ на знающаго, вѣрнаго, и въ особен- "ности, безпристрастнаго судью въ процессѣ, ко- "торый онъ возбудилъ противъ Имперіи Царей."

"Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не остановиться пора- "женнымъ предъ такимъ положеніемъ, не однажды "высказаннымъ и логически выводимымъ въ его "книгѣ? Россія теперь перестала быть первокласс- "ного державою; она низошла въ рядъ второстепен- "ныхъ государствъ."

"Неужели считать сказками его тысячу и одинъ "страшные разсказы тайнъ, которыя онъ раскры- "ваетъ передъ публикою, показывая ей то ошибки "и проступки, то вины и преступленія, совершаемые "явно, на виду и свѣдома Государя, высшими са- "новниками Русской Имперіи? Развѣ имена, званія "и должности этихъ виновныхъ, этихъ преступниковъ "не выставлены ихъ соотечественникомъ безъ вся- "каго смущенія."

"Правосудіе судьи, гражданское управленіе и "бюрократія, военное управленіе, армія, дворянство, "среднее сословіе, крѣпостные люди, финансы, Госу- "дарственная полиція, духовенство, журналистика, "книгопечатаніе — однимъ словомъ всѣ элементы изъ "которыхъ составляется жизнь страны и народа, — "выставлены Кн. Долгоруковымъ въ краскахъ столь- "ко же мрачныхъ, сколько и отвратительныхъ."

"По словамъ Кн. Долгорукова Россіи угрожаетъ "неминуемый переворотъ и онъ кажется намъ тѣмъ "болѣе страшенъ, что средства, имъ самимъ предла- "гаемыя, не смотря на ихъ эмпиризмъ, — или мо- "жетъ быть именно по ихъ эмпиризму, не въ силахъ "отвратить катастрофу."

"Въ самомъ дѣлѣ, примемъ за истинныя его "слова что въ Россіи сверху внизъ крадутъ а снизу "вверхъ обманываютъ; — гдѣ же, въ такомъ слу-

"чаѣ, Русскій Императоръ найдетъ людей честныхъ,
"неподкупныхъ и дѣльныхъ, чтобы добросовѣстно
"содѣйствовать ему въ дѣлѣ возрожденія страны,
"котораго онъ тщетно желаетъ достигнуть."

"Самая конституція, которой Кн. Долгоруковъ
"изъ всѣхъ силъ требуетъ для Россіи какъ единст-
"веннаго спасенія отечеству, — въ такомъ положеніи
"вещей, не могла бы принести Сѣверной Имперіи той
"пользы, какую ея начала приносятъ народамъ, уже
"пользующимся имп. Всякая конституція, чтобъ не
"быть мертвою буквою, требуетъ непремѣнно не
"только добровольнаго соглашенія всѣхъ классовъ
"народа на этотъ договоръ между правительствомъ
"и управляемыми, но еще взаимной гарантіи съ той
"и другой стороны въ точномъ ея соблюденіи; изъ
"этого раждается необходимость представительныхъ
"палатъ. Но мы спрашиваемъ: изъ какихъ элемен-
"товъ могло бы въ Россіи составиться представи-
"тельное собраніе, если правда, какъ утверждаетъ
"авторъ, что въ ней вверху только одни воры, а
"внизу мошейники. Гдѣ искать этихъ представи-
"телей? Въ среднемъ сословіи? въ духовенствѣ?
"въ народѣ? спроситъ, можетъ быть, любопытный чи-
"татель. — Но въ такомъ случаѣ мы позволимъ
"себѣ попросить его обратиться къ Правдѣ о Россіи.
"Изъ этого страннаго сочиненія онъ почерпнетъ

"убѣжденіе, что Кн. Петръ Долгоруковъ, если толь-
"ко онъ не безстыдно оклеветалъ свое отечество
"съ рѣдкимъ мужествомъ доказалъ неопровержимо,
"что Россія быстрыми шагами стремится въ бездну,
"изъ которой не въ состояніи спасти ее даже самъ
"Русскій Богъ, воспѣтый Полежаевымъ."

Вотъ статья *Courrier du Dimanche*. Кто же этотъ Г. Мишенскій? — Незнаю. Постоянный ли кор, респондентъ журнала? Редакція *Courrier du Dimanche* не скрываетъ своихъ редакторовъ; она, конечно, объяснитъ Вамъ и личность Г. Мишенскаго. Что касается до меня, пока мнѣ не докажутъ противнаго, для меня Г. Мишенскій вовсе не миѳъ и не воображаемое лице; нѣтъ, — это живая личность, человѣкъ съ мясомъ и костями. Впрочемъ, повторю, *Courrier du Dimanche* скажетъ намъ, кто онъ такой.

Ограничусь пока однимъ замѣчаніемъ, — тѣмъ, что эта статья, не говоря о вставленномъ въ нее анекдотѣ, вовсе не во враждебномъ духѣ Кн. Долгорукову, или его книгѣ. Авторъ, если можно допустить какое нибудь предположеніе, по самому его имени, кажется Полякомъ, можетъ быть менѣе враждебнымъ Россіи, чѣмъ бы слѣдовало ожидать отъ чувства національной ненависти, но и не защитникомъ ея. Когда его читаешь, онъ кажется нѣс-

колько пристрастнымъ докладчикомъ дѣла, въ которомъ обнажаются жестокія тайны его противниковъ и изъ котораго онъ съ удовольствіемъ извлекаетъ самыя рѣзкія черты. Вотъ что мы думаемъ о статьѣ Г. Мишенскаго.

Я представилъ Вамъ ее всю безъ сокращеній, для того, чтобы Вы могли судить о ея значеніи. Но опять таки замѣчу, дѣло наше не касается книги Кн. Долгорукова, и я только утверждаю, что въ этомъ отчетѣ объ ней противъ Кн. Долгорукова нѣтъ не только никакого лично обиднаго выраженія, но даже и оскорбительнаго намека.

Между тѣмъ, М. Г., что же выходитъ? Проходитъ нѣсколько дней; — сказавъ нѣсколько дней, я сказалъ слишкомъ много; — статья появилась 29. Апрѣля, а 1го Мая Кн. Долгоруковъ берется за перо и пишетъ письмо въ редакцію журнала *Courrier du Dimanche*. Я сейчасъ Вамъ его прочту. Журналъ получаетъ письмо и печатаетъ его безъ малѣйшаго раздумья, не заботясь о томъ, что въ немъ на каждой строкѣ упоминаются имена совершенно чуждыя статьѣ Г. Мишенскаго, не обращая вниманія на тонъ этого письма, на намеки, нареканія, даже на положительныя обвиненія, высказанныя противъ этихъ именъ. Странная вещь! Журналъ сознается, что онъ могъ бы, долженъ бы былъ отказать Кн. Дол-

горукову въ напечатаніи его письма: князь не названъ, на него нѣтъ даже указанія въ статьѣ; статья не даетъ никакого права на личный отвѣтъ; — журналъ все это сознаетъ и однако съ угодливостію и ослѣпленіемъ, которыя не могутъ не удивить, печатаетъ это письмо въ первомъ выходящемъ своемъ нумерѣ, 6 Мая 1860 г.

Предшествующая письму статья журнала *Courrier du Dimanche* и самое письмо Кн. Долгорукова заключаютъ въ себѣ все существо и причину этого процесса и я могъ бы начать свою рѣчь прочтеніемъ ихъ Вамъ, но я считалъ нужнымъ, для большей ясности, сперва представить Вамъ статью Г. Мишенскаго.

И такъ вотъ, во первыхъ, статья журнала *Courrier du Dimanche*, подписанная Секретаремъ Редакціи:

"Директоръ нашего журнала получилъ отъ Кн. "Долгорукова длинное письмо не въ отвѣтъ на ста- "тью, которую мы помѣстили о его любопытной книгѣ: "Правда о Россіи, но по поводу анекдота, разска- "занаго въ этой статьѣ. Хотя корреспондентъ нашъ "Г. Мишенскій не назвалъ ни страны, гдѣ произо- "шелъ разсказанный имъ случай, ни лица, которое "требовало 50 тыс. рублей, ни того, которое отвергло "это предложеніе, хотя всѣмъ этимъ онъ соблюлъ

"всю сокровенность безыменнаго разсказа, хотя на "конецъ тотчасъ послѣ этого анекдота, онъ какъ "бы въ предупрежденіе и предосторожность гово- "ритъ: конечно не съ подобными чувствами опасенія "принимаемся мы за разборъ Правды о Россіи, — "не смотря на все это мы не отказываемъ Кн. Дол- "горукову въ возстановленіи истины, котораго онъ "требуетъ отъ нашего безпристрастія и помѣщаемъ "его письмо. Но скажемъ еще разъ, мы имѣли бы "полное основаніе отказать ему. Мы ясно высказали "полное несходство между авторомъ, котораго обви- "няли въ требованіи 50 т. руб. и Княземъ Долгору- "ковымъ. Журналъ нашъ не обратилъ бы вниманія "на перваго, и съ удовольствіемъ передалъ пу- "бликѣ отчетъ о книгѣ Кн. Долгорукова: Правда о "Россіи."

"Но такъ какъ Кн. Долгоруковъ въ разсказѣ "нашего корреспондента признаетъ клевету, кото- "рую хотѣли распространить о немъ, то мы искренно "радуемся, что доставляемъ ему возможность поло- "жительно ее опровергнуть."

Вотъ, М. Г., статья *Courrier du Dimanche*. Я представлю Вамъ въ послѣдствіи какія заключенія вывожу изъ нея противъ журнала.

Теперь вотъ письмо Кн. Долгорукова:

Г. Главному Редактору *Courrier du Dimanche.*

Парижъ. 1 Мая 1860.

М. Г.

"Въ номерѣ Вашего журнала 29го Апрѣля по-
"мѣщена статья Г. Мишенскаго по поводу моей
"книги Правда о Россіи. Я не считаю нужнымъ
"входить съ Г. Мишенскимъ въ полемику относи-
"тельно оцѣнки моего труда; ограничусь лишь за-
"мѣчаніемъ, что онъ съ какимъ то удовольствіемъ
"ищетъ представить въ превратномъ смыслѣ цѣль
"моего сочиненія, перенося на русскій народъ, ко-
"тораго превосходнымъ качествамъ я отдаю полную
"справедливость и къ которому съ гордостію считаю
"себя принадлежащимъ, тѣ порицанія и обвиненія
"строгія, но справедливыя, которыя относятся къ
"русскому правительству."

"Но статья Г. Мишенскаго содержитъ въ себѣ,
"сверхъ того, разсказъ, задѣвающій мою честь, раз-
"сказъ, порожденный самою низскою клеветою и
"самымъ наглымъ подлогомъ, какой когда либо бы-
"валъ даже и въ Россіи, гдѣ безнаказанность обез-
"печена лицамъ высоко поставленнымъ и окружа-
"ющимъ ихъ."

Изъ этихъ словъ, неправда ли, надобно заключить, что источникъ и поводъ случая, разсказаннаго

Г. Мишенскимъ, не только выдумка, но и подлогъ. Что же касается до Кн. Долгорукова, то онъ, какъ одна изъ сторонъ (по судебному выраженію), свидѣтель и дѣйствующее лице въ происшествіяхъ, о которыхъ сообщается въ анекдотѣ Г. Мишенскаго, конечно разскажетъ намъ всю истину, представитъ на общій судъ совершенно точное изложеніе этого темнаго и презрѣннаго дѣла.

"Въ послѣдніе годы пребыванія моего въ Россіи "я издалъ на русскомъ языкѣ 4 тома родословныхъ. "Это сочиненіе возбудило много неудовольствій и "создало мнѣ многочисленныхъ враговъ. Въ числѣ "лицъ, древнее родопроисхожденіе которыхъ невоз- "можно было допустить и котораго они между тѣмъ "добивались былъ Фельдмаршалъ Князь Михаилъ "Воронцовъ. Въ 1856 году Князь Воронцовъ, въ "послѣднюю свою бытность въ Петербургѣ, не пе- "реставалъ заискивать и просить меня, чтобы въ "4мъ томѣ, который я готовился выдать въ свѣтъ, "я сказалъ что теперешніе Воронцовы происходятъ "отъ древнихъ бояръ Воронцовыхъ (фамилія кото- "рыхъ исчезла въ концѣ XVI вѣка). Онъ утверж- "далъ мнѣ, что въ доказательство имѣетъ доку- "менты. Я зналъ, что это домогательство его про- "тивно истинѣ, но не могъ въ немъ прямо отказать "изъ уваженія къ сѣдымъ волосамъ восьмидесяти-

“лѣтняго старца. По этому всякій разъ, когда онъ “мнѣ объ этомъ говорилъ, я отвѣчалъ, что очень “бы желалъ видѣть и разобрать документы, на “которые онъ ссылался. Послѣ того я поѣхалъ въ “деревню и расчитывая, по возвращеніи въ Петер- “бургъ, печатать свой 4й томъ счелъ приличнымъ, “съ своей стороны въ память любезностей, оказан- “ныхъ мнѣ Фельдмаршаломъ, написать ему о ско- “ромъ появленіи этого тома и выразить искреннее “сожалѣніе, что не могу удовлетворить его жела- “нію, такъ какъ онъ не доставилъ мнѣ случая ви- “дѣть документы, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ. “Это письмо было не болѣе какъ учтивость и выра- “женіе уваженія къ старику, который не разъ “водилъ наши войска къ побѣдѣ.”

Позвольте мнѣ здѣсь остановиться. Письмо длинно и потому нелишнимъ будетъ, послѣ каждой части его, содержащей какъ бы обвиненіе, выставить предъ Вами ярко и самое обвиненіе и его опроверженіе.

Вотъ разсказъ Кн. Долгорукова. Въ 1856 году онъ былъ въ Петербургѣ. Три тома его сочиненія были изданы, четвертый готовился къ выпуску. Это, конечно, было извѣстно въ Россіи, и Кн. Воронцову, и другимъ аристократическимъ фамиліямъ, которыя были, болѣе или менѣе, заинтересованы въ

подобномъ изданіи Князя Долгорукова осаждаютъ искательствами со всѣхъ сторонъ и между самыми неотступными оказываются просьбы Кн. Воронцова. Съ какою же цѣлію? Съ цѣлію, чтобы Кн. Долгоруковъ, въ 4мъ томѣ помѣстилъ родословную ложную, противную истинѣ, по которой теперешніе Воронцовы получили родопроисхожденіе невозможное, ибо древній родъ Бояръ, отъ котораго они хотятъ себя вести, пресѣкся въ XVI вѣкѣ. Фельдмаршалъ говоритъ, что имѣетъ документы, доказывающіе его домогательство. Князь Долгоруковъ, убѣжденный въ ложности мнѣнія Фельдмаршала, изъявляетъ, однако, желаніе ознакомиться съ этими документами. Фельдмаршалъ обѣщаетъ ихъ доставить, но не доставляетъ, и передъ изданіемъ въ свѣтъ своего послѣдняго тома пишетъ Фельдмаршалу изъ уваженія къ сѣдымъ волосамъ его 80 лѣтъ; проситъ опять документовъ и все таки не получаетъ.

Вотъ разсказъ; — и я прямо утверждаю, что это наглая ложь. Я не говорю ошибка, — нѣтъ, — вещи надобно называть ихъ настоящимъ именемъ, ложь! и я докажу это, — не односторонними доводами, а документами, фактами, которыхъ и мои противники не отвергнутъ. Да, я приведу Вамъ эти доказательства; Вы ихъ оцѣните.

Теперь же пока оставляю это и продолжаю чтеніе письма.

"Можно себѣ представить какъ я былъ пора-"женъ, въ какое пришелъ негодованіе, когда въ "отвѣтъ получилъ отъ Фельдмаршала письмо, въ "которомъ онъ, оскорбляя мою честь, писалъ мнѣ, "что будто бы въ письмѣ, которое я ему послалъ, "онъ нашелъ записку не моей руки и что въ этой "запискѣ ему предлагали прислать мнѣ 50 т. рублей. "Въ негодованіи я отвѣчалъ Фельдмаршалу не очень "вѣжливымъ письмомъ и требовалъ, чтобы онъ "предъявилъ мнѣ оригиналъ этой записки. Намѣ-"реніе мое было добиться судебнаго слѣдствія. Нѣс-"колько недѣль я тщетно ожидалъ отвѣта, никакъ "не позволяя себѣ думать, чтобы старый воинъ могъ "нарушить столь простую обязанность чести. При той "анархіи, въ которой находятся въ Россіи суды, ибо "у насъ судъ есть только соединеніе произвола съ "пристрастіемъ, я зналъ, что всякая жалоба на че-"ловѣка имѣющаго силу при Дворѣ, осталась бы "безъ движенія, или была бы мнѣ возвращена. Мнѣ "оставалось обратиться къ защитѣ самого правитель-"ства, что я и сдѣлалъ, хотя безъ успѣха —"

"Воротясь въ Петербургъ я отправился къ ми-"нистру полиціи, Кн. Василію Долгорукову, пока-„залъ ему письмо Фельдмаршала, просилъ доложить

“объ немъ Государю и требовалъ строжайшаго “слѣдствія. Князь Василій отвѣчалъ мнѣ, что нельзя “назначить слѣдствія въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ “замѣшанъ Андреевскій кавалеръ и Фельдмаршалъ. “Я возразилъ ему вопросомъ: развѣ существуетъ “особенное право безнаказанности для Андреевскихъ “кавалеровъ и фельдмаршаловъ въ такихъ дѣйствіяхъ, “которыя для простолюдиновъ составляютъ положи- “тельное преступленіе подлога? Не смотря на это “Князь Василій объявилъ мнѣ все-таки, что не “будетъ докладывать Государю, что слѣдствія не “назначутъ, и отказался даже взять письмо фельд- “маршала для показанія его Государю (это письмо, “вмѣстѣ съ моими бумагами, хранится въ Англіи). “Я отвѣчалъ Князю Василію, что надѣюсь, что онъ “перемѣнитъ свой взглядъ на это дѣло, а потому въ “концѣ недѣли опять пріѣду къ нему поговорить “объ немъ. У меня было намѣреніе, еслибъ онъ “остался при мысли затушить это дѣло, опублико- “вать его за границею чтобы тѣмъ принудить фельд- “маршала самого просить слѣдствія.”

“Дня три четыре послѣ этого разговора съ ми- “нистромъ Полиціи, я обѣдалъ у Баронессы Мейен- “дорфъ, урожденной Гр. Штакельбергъ, и тамъ узналъ “о полученіи изъ Одессы депеши, извѣщавшей о “смерти Фельдмаршала. Я разсказалъ Барону и Ба-

“ронессѣ Мейендорфъ случай бывшій у меня съ “Фельдмаршаломъ и они, конечно, помнятъ, какъ “глубоко я былъ огорченъ смертію его; она дѣлала “для меня невозможнымъ добиться слѣдствія.”

“Тѣмъ, кто меня знаетъ, и кто знаетъ какое “бѣшенство и злобу возбудила моя книга Правда о “Россіи, эти объясненія не нужны; но я считаю “долгомъ представить ихъ публикѣ, которая меня “не знаетъ.”

“Г. Мишенскій въ своей статьѣ говоритъ, что “Авторъ, за требуемую имъ сумму, обязывался унич- “тожить бывшіе у него документы, доказывавшіе “неоспоримо родъ и происхожденіе того лица, къ “которому онъ обратился.”

“Еслибъ Г. Мишенскій, или тѣ негодяи, которые “сообщили ему эту клевету, знали исторію Россіи, “то они знали бы также, что нельзя уничтожить этихъ “документовъ, по той простой причинѣ, что они не “въ частныхъ рукахъ а составляютъ достояніе Го- “сударства. Главный изъ нихъ, Бархатная книга, “оффиціальный сборникъ родословныхъ, въ которомъ “родъ Воронцовыхъ показанъ пресѣкшимся, напе- “чатанъ былъ въ 1787 году, а подлинный оригиналъ “находится въ Департаментѣ Герольдіи правитель- “ствующаго Сената въ Петербургѣ. Для каждаго “безпристрастнаго человѣка одинъ этотъ фактъ слу-

"житъ очевиднымъ доказательствомъ, что записка, "о которой разсказывается есть явный подлогъ."

"Г. Мишенскій говоритъ, что Князь Воронцовъ "велѣлъ снять автографные снимки съ записки и "разослалъ ихъ тысячамъ читателей. Князь умер- "шій осенью 1856 года, конечно могъ сдѣлать это "только при жизни. Какимъ же образомъ въ тече- "ніи четырехъ лѣтъ ни одинъ снимокъ не попалъ "мнѣ на глаза, ни мнѣ, и никому изъ моихъ знако- "мыхъ? Какимъ образомъ эти снимки не дошли до "свѣденія русскаго Правительства, которое такъ "дорого платитъ за содержаніе своей тайной Поли- "ціи? Почему оно въ такомъ случаѣ не назначило "слѣдствія? Какимъ образомъ эти снимки сдѣлались "извѣстными только по выходѣ въ свѣтъ: Правда о "Россіи? Почему Фельдмаршалъ Воронцовъ не "просилъ слѣдствія, котораго ему ужъ конечно бы не "отказали? Отчего онъ не отвѣчалъ на письмо, ко- "торымъ я требовалъ предъявить оригиналъ за- "писки?"

"Я не хочу тревожить мертвыхъ, но долженъ "сказать, что этотъ случай бросаетъ постыдную тѣнь "на русское Правительство и вполнѣ подтверждаетъ "то, что я говорю о немъ въ своей книгѣ. Въ Рос- "сіи, когда имѣешь дѣло съ человѣкомъ могу- "щественнымъ при Дворѣ, не найдешь ни суда, ни

"правды. Въ этомъ дѣлѣ очевиденъ явный подлогъ "и чтоже? Министръ Полиціи, человѣкъ самъ по себѣ "честный, но пропитанный гибельными преданіями "азіатскаго деспотизма, отказываетъ въ слѣдствіи на "томъ основаніи, что въ дѣло былъ бы замѣшанъ "Андреевскій Кавалеръ и Фельдмаршалъ. Поду- "маешь, что находишься въ самой глубинѣ Азіи. — "Я требую отъ Г. Мишенскаго предъявить мнѣ копію "съ записки, о которой онъ разсказываетъ и назвать "тѣхъ лицъ отъ которыхъ онъ ее получилъ. Если "онъ этого не сдѣлаетъ, я вынужденъ буду начать "противъ него и противъ Вашего журнала искъ "о личной обидѣ."

"Обращаюсь къ Вашему безпристрастію, М. Г., "для напечатанія моего письма въ первомъ нумерѣ "Вашего журнала и прошу Васъ принять увѣреніе "моего почтенія."

Вотъ, М. Г., письмо Кн. Долгорукова. Я прочелъ его Вамъ сполна; Вы теперь его знаете.

Я уже сдѣлалъ сейчасъ отступленіе для разбора первой части этого письма, теперь позвольте мнѣ обратить Ваше вниманіе на другую, болѣе важную для оцѣнки не матеріальной а нравственной, существа этого процесса.

Кн. Долгоруковъ пишетъ, что онъ съ удивленіемъ и негодованіемъ получилъ вдругъ письмо

Фельдмаршала Кн. Воронцова, въ которомъ этотъ послѣдній, оскорбительно для его чести, писалъ будто бы въ письмѣ его оказалась записка не его руки, въ которой предлагали Фельдмаршалу послать Кн. Долгорукову 50 т. рублей.

Онъ въ негодованіи, и тотчасъ же пишетъ Фельдмаршалу не слишкомъ вѣжливое письмо. Онъ хочетъ просить слѣдствія и требуетъ (замѣтьте это выраженіе, нѣсколько разъ повторенное въ статьѣ) требуетъ предъявленія оригинала записки. Четыре недѣли проходятъ и на это требованіе онъ не получаетъ отвѣта.

И что же, М. Г.? — То, что я сказалъ сейчасъ относительно выдуманнаго искательства Кн. Воронцова, я долженъ повторить и теперь обо всемъ, слышанномъ Вами, разсказѣ Кн. Долгорукова. Это ложь, вы это сейчасъ увидите, ложь, совершенно доказанная безспорнымъ письмомъ Кн. Воронцова и, что еще важнѣе, оригинальнымъ и не подверженнымъ сомнѣнію письмомъ самого Кн. Долгорукова.

Послѣ этого нужно ли мнѣ еще говорить о характерѣ этой статьи? Нужно ли доказывать, что въ ней заключается фактъ оскорбленія и намѣренія обезславить? Не ясно ли въ ней обвиненіе Фельдмаршала Воронцова въ совершеніи подлога, или по крайней мѣрѣ въ участіи въ немъ? Возможно ли,

читая ризсказъ свиданія Кн. Долгорукова съ Министромъ Полиціи, малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что онъ обвиняетъ Кн. Воронцова въ подлогѣ. Это очевидно изъ словъ, что въ Россіи нѣтъ возможности добиться правосудія противъ такого дѣйствія, которое для простолюдина составляло бы преступленіе подлога. Когда такія слова повторяются не одинъ разъ, но три раза въ теченіи статьи, тогда, М. Г., сомнѣнію нѣтъ мѣста.

Я не буду Вамъ описывать того чувства, которое произвела эта статья на семейство Кн. Воронцова, особенно на его сына, единственнаго теперь представителя этого знаменитаго имени: слова мои были бы слишкомъ слабы для выраженія этихъ чувствъ благородной души. Каждый изъ Васъ угадаетъ ихъ въ своемъ сердцѣ.

Но кто же былъ этотъ Фельдмаршалъ, который, по выраженію Кн. Долгорукова не разъ водилъ русскія войска къ побѣдѣ и котораго память, когда онъ уже не могъ встать на свою собственную защиту, такъ недостойно оскорблена. Кто же онъ былъ?

Конечно, М. Г., для правосудія это все равно. Еслибъ дѣло шло о самомъ неизвѣстномъ частномъ человѣкѣ, какой бы странѣ онъ ни принадлежалъ, вопросъ былъ бы одинъ и тотъ же. Какой бы памяти, безвѣстной, или славной, не наносилась обида,

она есть оскорбленіе этой памяти, оскорбленіе чести семейства, нарушеніе закона; каждый въ равной силѣ долженъ сочувствовать закону, наказывающему подобныя дѣйствія.

Но рядомъ съ вопросомъ юридическимъ, равнымъ для всѣхъ, въ процессахъ этого рода есть еще нравственный вопросъ, разрѣшеніе котораго много зависитъ отъ имени обиженнаго, его общественнаго положенія, славы, которую онъ по себѣ оставилъ между людьми. Вотъ почему я позволю себѣ, прежде чѣмъ, приступлю къ самому дѣлу, бросить бѣглый взглядъ на жизнь Кн. Воронцова. Не стану утомлять Васъ полною его біографіею. Еслибъ это имя принадлежало Франціи, еслибъ эта жизнь протекла между нами, на нашихъ глазахъ, мнѣ бы стоило только произнести его предъ Вами. Оно бы лучше, чѣмъ мои слова, сказало кто былъ тотъ человѣкъ, памяти котораго я пришелъ искать Вашей защиты противъ низкой клеветы. Но это имя чужеземное, вы не знаете жизни того кто носилъ его, не знаете его правъ на уваженіе и знаменитость и потому позвольте мнѣ вкратцѣ разсказать ее Вамъ.

Кн. Воронцовъ отецъ того, отъ имени котораго я говорю, могъ бы обойтись безъ славныхъ предковъ еслибъ онъ былъ и первый только въ своемъ родѣ, онъ бы и тогда могъ сказать какъ извѣстный

Вамъ герой нашей республики и Имперіи, который изъ сержантовъ гвардіи попалъ въ Маршалы Франціи и въ Герцоги Данцигскіе[1]), онъ бы могъ сказать: Да вѣдь я самъ предокъ. Его долгая жизнь была вся посвящена на служеніе отечеству. Она истощилась въ трудахъ мирныхъ и военныхъ. Когда, при коронаціи Императора Александра II, онъ наконецъ получилъ славный титулъ Фельдмаршала, ни одинъ человѣкъ въ Россіи, не исключая даже и Князя Долгорукова не смотрѣлъ на это иначе, какъ на справедливую и заслуженную награду. Дѣйствительно, пробѣгая мыслію эту долгую и благородную жизнь невозможно, даже и чужестранцу, отказать ей въ искренней дани удивленія и уваженія. Не возможно представить себѣ минуту въ такой жизни, въ которую бы этотъ человѣкъ былъ способенъ не только на преступленіе, подлогъ, но даже и на это недостойное искательство, котораго въ немъ не могло породить мелочное тщеславіе. Очертивъ эту жизнь нѣсколькими словами, я теперь взойду и въ ея подробности. Успокойтесь впрочемъ; я не истощу Вашего терпѣнія: быстрый разсказъ достаточно нарисуетъ Вамъ эту личность.

Онъ почти родился въ свободной Англіи. Я го-

---

[1]) Маршалъ Лефевръ, временъ перваго Наполеона.

ворю почти, потому что тотчасъ но его появленіи на свѣтъ, его отецъ былъ назначенъ Императрицею Екатериною II посланникомъ въ Англіи. Тамъ онъ прожилъ до 18 или 19 лѣтъ. Тамъ раскрылись его умъ и душа, тамъ онъ принялъ тѣ первыя впечатлѣнія, которыя остаются неизгладимо на всю жизнь. Онъ былъ воспитанъ среди Англійской аристократіи, которая, конечно, можетъ обойтись безъ моихъ излишнихъ похвалъ. Между товарищими его дѣтства и юности былъ человѣкъ, который не разъ въ продолженіе своей жизни стоялъ въ главѣ своей страны, который и въ настоящее время занимаетъ это первенствующее мѣсто. Я разумѣю Лорда Пальмерстона. Послѣ смерти Императора Павла Воронцовъ возвратился въ Россію и назначенъ былъ Камергеромъ при Дворѣ Императора Александра. Но вскорѣ недовольный праздностію и бездѣйствіемъ придворной должности, онъ сталъ искать другаго поприща, на которомъ могъ бы найти и болѣе опасности и болѣе славы, и пріобрѣсти заслугами уваженіе своихъ согражданъ. Это желаніе его исполнилось; его стремленіе къ дѣятельности и лучное мужество получили возможность показать себя на болѣе достойной сценѣ, на Кавказѣ, гдѣ онъ пробылъ до 1805 или 1806 года. Этотъ же Кавказъ, на закатѣ его жизни, былъ свидѣтелемъ его послѣднихъ битвъ и славныхъ предпріятій. Въ

1807 году онъ участвовалъ со славою въ войнѣ своего отечества съ Турціею, а потомъ въ 1812 году, когда наши арміи перешли Вислу и начали страшную борьбу противъ мужественнаго народа и еще болѣе противъ жестокаго климата, Воронцовъ сражался за отечество противъ насъ. Въ качествѣ бригаднаго генерала онъ участвовалъ въ той геройской бородинской битвѣ, съ которою связано столько безсмертныхъ воспоминаній. Тутъ онъ былъ раненъ. Потомъ онъ сдѣлалъ кампанію 1813, 1814 и 1815 годовъ и въ главѣ русскаго корпуса арміи, занявшей Францію, остался здѣсь. Какъ ни тягостны для насъ эти печальныя страницы нашей исторіи, онѣ не избавляютъ насъ однако отъ обязанности быть справедливыми и я счастливъ тѣмъ, что могу громко сказать, что Воронцовъ, въ этомъ трудномъ положеніи, не нарушая своего долга, умѣлъ снискать и заслужить сочувствіе и благодарность тѣхъ, на комъ лежала вся тягость этого продолжительнаго занятія страны чужими войсками.

Главная квартира его была въ Безансонѣ и проѣзжій, который теперь посѣтитъ тамъ городскую библіотеку, можетъ въ ней замѣтить бюстъ въ которомъ онъ не узнаетъ соотечественника; это бюстъ Воронцова, поставленный благодарнымъ городомъ не въ память, конечно, благодѣяній побѣдителя, но въ

признательное воспоминаніе о томъ, кто умѣлъ отвратить отъ города много неминуемыхъ въ такое время бѣдствій.

Воронцовъ возвратился въ Россію въ 1818 году, вмѣстѣ съ корпусомъ которымъ командовалъ, и вскорѣ ему открылось новое поприще, котораго уже одного было бы достаточно, чтобы обезсмертить его имя. Герцогъ Ришелье возвращался во Францію; его громкое имя и способности призывали его занять мѣсто въ совѣтѣ своихъ Государей. Передъ тѣмъ, въ Россіи, — кому же это не извѣстно? — онъ долго управлялъ Крымомъ. Онъ создалъ Одессу и торговлю на Черномъ морѣ, приготовилъ въ новомъ краѣ всѣ зачатки благосостоянія, которые предстояло развить въ будущемъ. Воронцовъ удостоился чести быть его преемникомъ; ему поручено было продолжать и развивать твореніе Герцога Ришелье. Съ 1820 г. по 1844 годъ, около 25 лѣтъ, онъ состоялъ въ должности Генералъ-Губернатора Одессы и Новороссійскаго края. Я не стану изчислять Вамъ все, что имъ сдѣлано въ этотъ долгій періодъ времени, всѣ учрежденія, которыя онъ основалъ, всѣ улучшенія по разнымъ частямъ. Моей рѣчи не достало бы на это, а притомъ я уклонился бы отъ своей цѣли. Но еслибъ я могъ это сдѣлать, Вы бы увидали въ Кн. Воронцовѣ, рядомъ съ умомъ дѣятель-

нымъ и возвышеннымъ, явные слѣды тѣхъ благородныхъ впечатлѣній свободы, которыя коснулись еще колыбели его, въ Англіи.

Эта мирная дѣятельность Кн. Воронцова была на короткое время прервана въ 1829 году участіемъ въ Турецкой войнѣ, окончившейся Адріанопольскимъ миромъ. Потомъ она продолжалась по прежнему до 1844 года, когда онъ былъ призванъ къ начальству надъ кавказскою арміею съ чрезвычайными полномочіями. Десять лѣтъ своей жизни онъ посвятилъ этой новой должности. Не стану Вамъ говорить съ какими трудностями она была соединена; одно слово Вамъ ихъ укажетъ: всѣ ущелія Кавказа были заняты Шамилемъ.

Помните ли, М. Г., нашу борьбу въ Алжирѣ? Помните ли вы того, кто такъ долго боролся съ нашими войсками, этого славнаго врага,[1]) котораго сердце Франція въ послѣдствіи привязала къ себѣ узами благодарности? Вы помните его, и потому Вы можете составить себѣ понятіе о трудностяхъ и опасностяхъ, которыя долженъ былъ переносить Воронцовъ въ безпрестанныхъ экспедиціяхъ. Онъ какъ будто бы въ это время усвоилъ себѣ девизъ нашего

---

[1]) Абд-эль-Кадеръ.

славнаго Маршала,[1]) который хотѣлъ завоевывать мечемъ и въ то же время цивилизировать мирнымъ распространеніемъ земледѣлія. Онъ показалъ здѣсь не одни мощныя достоинства воина; нѣтъ, въ этомъ краѣ, также какъ и въ Крыму, въ немъ явился государственный человѣкъ, искусный организаторъ, упрочивающій идеями и учрежденіями завоеванія меча, прилагающій къ дѣлу тѣ наставленія, которыя онъ вынесъ изъ свободной страны, приготовляющій такимъ образомъ владычество Россіи надъ странами, которыя такъ долго и упорно держались противъ ея могущества.

Въ 1854 году, — ему было 73 года, — болѣе удрученный болѣзнями, чѣмъ годами, онъ изъявилъ желаніе удалиться и получилъ на это разрѣшеніе. Смерть послѣдовала вскорѣ за этимъ удаленіемъ. Впрочемъ до самой смерти и въ удаленіи отъ дѣлъ жизнь его была не безполезна: онъ былъ призванъ предсѣдательствовать въ коммиссіи, учрежденной для обсужденія защиты береговъ. Когда же Крымская война, въ которой его лѣта и недуги не позволили ему принять прямаго участья, ознаменовалась наконецъ достославнымъ подвигомъ нашего оружія, тогда онъ сослужилъ послѣднюю службу своему

[1]) Маршалъ Вюжо, Герцогъ Ислійскій.

отечеству, — и скажу болѣе — всему человѣчеству, совѣтомъ высказаннымъ имъ молодому Государю, только что вступившему на престолъ послѣ отца своего, — совѣтомъ заключить миръ съ Франціею.

Его ожидала высшая въ своемъ отечествѣ награда. Вслѣдъ за тѣмъ, и прежде чѣмъ онъ покинулъ землю, онъ былъ возведенъ, какъ я уже сказалъ, при коронаціи, въ званіе Фельдмаршала. — Фельдмаршальское званіе въ Россіи не составляетъ постояннаго и опредѣленнаго учрежденія, какъ у насъ, и потому въ Россіи этотъ титулъ, — конечно и у насъ славный, — долженъ представлять собою что то чрезвычайное. Это званіе единственное, въ родѣ того, чѣмъ въ прежней Франціи былъ Конетабль, званіе которымъ Людовикъ XIV наградилъ Тюренна. Въ наше время оно случайно было встрѣтилось на томъ воинѣ [1]), котораго смѣясь называли знаменитою шпагою (*une illustre épée*), на одномъ изъ спутниковъ Императора, прославившемъ себя въ 20 сраженіяхъ, не считая битвы при Тулузѣ и который останется славнымъ въ потомствѣ, на зло всѣмъ своимъ критикамъ.

Эта верховная награда Фельдмаршальства какъ

---

[1]) Здѣсь разумѣется Маршалъ Сультъ, пережившій всѣхъ своихъ товарищей.

будто бы обозначила Кн. Воронцову конецъ его дѣятельности и жизни. Нѣсколько времени послѣ коронаціи, 8 Ноября 1856 года онъ скончался.

Вотъ въ крупныхъ общихъ чертахъ жизнь Фельдмаршала Князя Воронцова; вотъ его дѣятельность. И память этого то человѣка, эту благородную и чистую память оскорбляетъ Кн. Петръ Долгоруковъ. Вотъ съ какимъ именемъ, съ какимъ человѣкомъ связываютъ мелкія интриги и искательства, которыя тщеславіе не извинило бы и въ мелочныхъ людяхъ; но, болѣе того, съ нимъ связываютъ тѣ постыдныя дѣйствія, которыя Кн. Долгоруковъ положительно назвалъ преступленіемъ подлога.

Я представилъ Вамъ чѣмъ былъ оскорбленный. Но прежде чѣмъ приступлю къ важнѣйшей части моихъ возраженій, позвольте мнѣ возвратиться назадъ и выяснить Вамъ, если могу и успѣю этого достигнуть, какая доля истины и неправды въ разсказѣ *Courrier du Dimanche*, 1 Мая 1860 года.

Я сказалъ, и повторяю, этотъ разсказъ ложь. Вы сами будете объ этомъ судить.

Но, замѣтьте, ложь, когда хочетъ искусно дѣйствовать, беретъ часто, почти всегда, какое нибудь истинное основаніе за исходную точку. Такъ оно и есть въ этомъ дѣлѣ. Въ разсказѣ есть доля истины. Вотъ она въ чемъ: Кн. Петръ Долгоруковъ дѣйствительно, какъ

онъ говоритъ, сочинитель родословнаго сборника, котораго я незнаю, который долженъ былъ состоять изъ четырехъ томовъ и изъ которыхъ только три было издано. Нѣтъ ничею удивительнаго, даже весьма естественно, что въ 1856 году Фельдмаршалъ Кн. Воронцовъ вздумалъ предложить добровольному біографу русской аристократіи разсмотрѣть документы, установляющіе происхожденіе его рода, рода Воронцовыхъ. Весьма возможно также, что Кн. Воронцовъ встрѣчался въ Петербургскихъ салонахъ съ Кн. Долгоруковымъ, который въ это время жилъ еще въ Россіи. Это не только возможно но и правдоподобно, даже, если угодно, это совершенная истина, мнѣ не для чего оспоривать этихъ фактовъ. Между ними были разговоры объ изданіи Кн. Долгорукова; Кн. Воронцовъ говорилъ объ имѣвшихся у него документахъ, которые по его мнѣнію утверждали, доказывали его древнее и знаменитое происхожденіе. — Но чему вы конечно не повѣрите это чтобы Кн. Воронцовъ унизился до этихъ жалкихъ, презрѣнныхъ искательствъ, о которыхъ говоритъ Кн. Долгоруковъ. Затѣмъ правда ли также, какъ говорится въ письмѣ 1 Мая 1860 года, что, утверждая существованіе документовъ, предлагая Кн. Долгорукову доставить ихъ, Фельдмаршалъ въ то же время не исполнялъ этого и не присылалъ ихъ Кн. Долго-

рукову? Правда ли что они не въ были его рукахъ, что онъ тщетно просилъ доставить ему эти документы? Вотъ, М. Г., гдѣ ложь. Вы увидите это изъ простаго изложенія фактовъ, къ которому я перехожу. Я Вамъ прочту подлинные документы, которые Вы оцѣните и съ матеріальной, и съ нравственной точки зрѣнія. Вотъ эти факты:

Въ 1856 году Фельдмаршалъ Воронцовъ былъ въ Вильдбадѣ для поддержанія своего разстроеннаго здоровья. Онъ былъ не одинъ; съ нимъ была его жена и еще другія значительныя особы, изъ которыхъ одна занимаетъ въ Англіи очень почетное мѣсто. Въ присутствіи нхъ 7 Іюля Князь получаетъ запечатанный пакетъ; на печати гербъ Кн. П. Долгорукова. Печать сломана въ присутствіи тѣхъ же лицъ; пакетъ вскрытъ; въ немъ были двѣ вещи: письмо, написанное и подписанное рукою Кн. П. Долгорукова и помѣченное числомъ $\frac{4}{16}$ Іюня 1856 года и анонимная записка, написанная измѣненнымъ почеркомъ. Мы положительно высказываемъ всѣ эти подробности и предлагаемъ доказать ихъ.

Подписанное письмо было слѣдующаго содержанія:

Князь.[1])

"Я оканчиваю 4 томъ родословнаго сборника; "въ этомъ томѣ будутъ помѣщены Вельяминовы, а "слѣдовательно древній родъ Воронцовыхъ. Я со вни- "маніемъ разсматривалъ документы, доставленные "мнѣ Вашею Свѣтлостію и до сихъ поръ не могъ "найти въ древнихъ актахъ и хроникахъ доказатель- "ства ихъ достовѣрности и подлинности. Чувства вы- "сокаго уваженія, которое я питаю къ Вашей Свѣт- "лости, побудили бы меня съ особеннымъ удоволь- "ствіемъ сдѣлать Вамъ пріятное, но я буду вынуж- "денъ напечатать эту часть моего сборника въ смы- "слѣ совершенно противномъ Вашимъ желаніямъ, "Князь, если вы не поспѣшите прислать мнѣ допол- "нительные документы, которые объяснивъ мнѣ тем- "ные вопросы дѣла, могли бы устранить всѣ за- "трудненія."

"Время идетъ" — (позвольте обратить Ваше вниманіе на это выраженіе, къ которому я возвращусь).

"Время идетъ; нужно торопиться присылкою "документовъ."

"Я останусь здѣсь въ деревнѣ до первыхъ чи-

---

[1]) Вся переписка эта была на французскомъ языкѣ.

"селъ Октября. Адресъ мой:" — (онъ написанъ по русски, а я не умѣю не учился по русски).

"Прошу Вашу Свѣлость принять выраженіе моего "глубокаго почтенія и искренной преданности съ "которыми имѣю честь быть,

"Вашъ покорнѣйшій слуга

Кн. Петръ Долгоруковъ.

Стало быть, М. Г., нечего играть словами; ясно, что документы были переданы Кн. Воронцовымъ; Кн. Долгоруковъ ихъ разсматривалъ; онъ не нашелъ, пишетъ онъ, ни въ нихъ самихъ, ни въ офиціальныхъ актахъ никакихъ доказательствъ ихъ подлинности и требуетъ новыхъ документовъ, которые бы, объяснивъ темныя мѣста, дали ему возможность сдѣлать желаемое Фельдмаршаломъ. Стало быть документы были ему отосланы. Стало быть Фельдмаршалъ не измѣнилъ своему слову. Стало быть не съ чего было Кн. Долгорукову требовать отъ Фельдмаршала исполненія даннаго обѣщанія.

Теперь — вотъ что заключала въ себѣ безыменная записка:

"Его свѣтлость, Кн. Воронцовъ имѣетъ вѣрное "средство къ тому, чтобы его родословная была на-"печатана въ Россійской Родословной Книгѣ въ томъ "видѣ, какъ онъ желаетъ. Это средство состоитъ "въ томъ, чтобы подарить Кн. Петру Долгорукову

“50 тыс. рублей серебромъ. Тогда все будетъ сдѣ-
“лано по его желанію. Но не надобно терять вре-
“мени.”

Кто же авторъ этой записки? Я теперь не разыскиваю его, не дѣлаю предположеній о немъ, а только разсказываю дѣло. Но судъ не оставитъ безъ вниманія, что эта безыменная записка была въ одномъ пакетѣ и запечатана одною гербовою печатью съ письмомъ, подписаннымъ Кн. Долгоруковымъ, котораго подлинность нисколько не опровергается.

Мнѣ нѣтъ надобности говорить Вамъ о впечатлѣніи, произведенномъ этою наглою запискою на Кн. Воронцова: каждый пойметъ его. — Въ этомъ семействѣ сохранились фамильныя преданія; я говорю объ этомъ смѣло при сынѣ Кн. Воронцова; каковы бы ни были выраженія отвѣта Кн. Воронцова, который я сейчасъ приведу, Фельдмаршалъ ни минуты не колебался въ увѣренности, что одна и таже рука написала и подлинное письмо и безыменную записку, съ требованіемъ 50 тыс. рублей.

Но все таки онъ имѣлъ дѣло съ Кн. Петромъ Долгоруковымъ, т. е. съ однимъ изъ первыхъ именъ Россіи. Должно ли было, говоря простонароднымъ языкомъ, бить прямо стекла, обвинять его въ лицѣ и положительно? Должно ли было, слѣдуя понятному чувству презрѣнія, разорвать съ нимъ всякія сно-

шенія? Фельдмаршалъ счелъ за лучшее поступить иначе. Онъ нашелъ, что нѣкоторыя приличія въ формѣ могутъ быть сохранены, но надобно было отвѣчать безъ замедленія, такъ сказать, на первыхъ порахъ, онъ такъ и сдѣлалъ: письмо было получено 25, черезъ день, 27 онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

Князю Петру Долгорукову.

Князь,

"Спѣшу отвѣчать на письмо Ваше отъ $\frac{4}{16}$ Іюня.
"Вы просите отъ меня доставленія документовъ, въ
"дополненіе къ тѣмъ, которые я передалъ Вамъ въ
"Петербургѣ и которые казались мнѣ достаточными
"доказательствами, что теперешніе Воронцовы од-
"ного происхожденія и въ непрерывной линіи отъ
"отца къ сыну, нисходятъ отъ тѣхъ, которые играли
"значительную роль въ нашей Исторіи до гибели
"ихъ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Разсмотрѣвъ
"тогда эти документы Вы мнѣ откровенно сказали
"что не получаете изъ нихъ убѣжденія въ томъ
"фактѣ, который намъ кажется такъ ясенъ, но чтобы
"сохранить безпристрастіе между нашими противо-
"положными взглядами, Вы напечатаете въ Вашемъ
"послѣднемъ томѣ все то, что я Вамъ сообщилъ,
"предоставляя публикѣ рѣшить наше несогласіе.
"Теперь же Вы хотите отъ меня новыхъ докумен-

"товъ, которыхъ я не могу имѣть, и еще менѣе "здѣсь, въ Вильдбадѣ, а между тѣмъ Вы торопите "меня, и я долженъ доставить ихъ Вамъ немедленно, "потому что Вы приступаете къ изданію Вашего "4 тома, гдѣ будутъ помѣщены Вельяминовы и "слѣдовательно, какъ Вы ихъ называете, древніе "Воронцовы. Вы совершенно вольны поступить въ "этомъ случаѣ, какъ Вы хотите. Но я вѣрю въ "подлинность документовъ, переданныхъ мною Вамъ, "и не хотѣлъ бы, чтобы было сказано, безъ воз- "раженій, что теперешніе Воронцовы не имѣютъ "ничего общаго съ прежними и что мы происходимъ "отъ какого нибудь бродяги, который лѣтъ полто- "раста тому назадъ, принялъ имя рода, изъ кото- "раго онъ не происходилъ, а потому оставляю за "собою право протестовать съ своей стороны предъ "публикою и передать на ея судъ предметъ су- "ществующаго между нами по этому вопросу разно- "гласія. Между тѣмъ позвольте мнѣ благодарить "Васъ за взятый на себя трудъ въ этомъ дѣлѣ. Со- "жалѣю лишь, что Вы не находите возможнымъ ис- "полнить данное мнѣ обѣщаніе напечатать мои до- "кументы вмѣстѣ съ тѣми, которые у Васъ уже были "о нашемъ родѣ, не высказывая съ Вашей стороны "рѣшительнаго о нихъ заключенія, а предоставляя "это суду публики."

"Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ "моемъ почтеніи."

За этимъ письмомъ слѣдуетъ *post-scriptum*. Не въ однихъ женскихъ письмахъ, — какъ это умно и справедливо замѣтили, — настоящій, истинный смыслъ письма заключается въ припискѣ. Судите сами по этому *post-scriptum*.

"*P. S.* Къ моему великому удивленію я нашелъ "въ Вашемъ письмѣ замѣтку неподписанную и напи- "санную почеркомъ, который кажется мнѣ различ- "нымъ отъ Вашего. При семъ прилагаю съ нея "копію. Можетъ быть Вы успѣете открыть кто "осмѣлился послать подобную замѣтку въ письмѣ, "запечатанномъ Вами и Вашею печатью. Подлинную "я счелъ своимъ долгомъ оставить у себя, вмѣстѣ "съ Вашимъ письмомъ, и при свиданіи буду готовъ "передать Вамъ ее, въ надеждѣ, что она послужитъ "Вамъ для открытія руки, которая ее написала."

М. Г., мнѣ кажется я не обманываюсь, утверждая, что для всякаго, кто умѣетъ читать и понимать деликатныя черты нѣкоторыхъ характеровъ, какъ это бываетъ въ людяхъ воспитанныхъ при особенныхъ общественныхъ условіяхъ, въ письмѣ Кн. Воронцова заключается, конечно, не грубо высказанная, но просвѣчивающая и однако ясная мысль, что въ его глазахъ неподписанная замѣтка написана

Кн. Долгоруковымъ. Фельдмаршалъ посылаетъ съ нея копію и удерживаетъ оригиналъ, — обратите на это вниманіе. Для чего же? Для того ли, чтобы ее уничтожить, чтобы утаить ее отъ повѣрки, отъ слѣдствія? Нѣтъ; совсѣмъ на противъ. Онъ разсуждаетъ и ясно высказываетъ въ своемъ *post-scriptum* слѣдующую мысль: Кн. Долгоруковъ пойметъ, что дѣло идетъ о его чести и что по этому онъ долженъ энергически предпринять что нибудь, что бы открыть, кто осмѣлился отправить такую записку въ его, Долгорукова, письмѣ, запечатанномъ его собственною печатью. Фельдмаршалъ оставляетъ у себя эту записку не для того что бы ее скрыть; онъ предлагаетъ передать ее Кн. Долгорукову въ надеждѣ, что можетъ быть тотъ сдѣлаетъ изъ нея употребленіе для открытія руки, которая ее написала.

Кажется это ясно.

Что же отвѣчаетъ на это Кн. Долгоруковъ? Вспомните его письмо въ *Courrier du Dimanche*. Онъ пишетъ Фельдмаршалу не очень вѣжливое письмо, вотъ его выраженіе; онъ хочетъ слѣдствія и чтобы оно было дѣйствительно, серіозно, настоятельно требуетъ передачи ему самой записки. Такъ онъ утверждаетъ въ 1860 году. Посмотримъ же, что онъ дѣлаетъ въ 1856 году и надѣюсь, что въ умѣ Вашемъ его отвѣтъ рѣшитъ весь процессъ. Онъ

отвѣчаетъ отъ 15 Іюля 1856 года слѣдующимъ письмомъ:

Князь,

"Я имѣлъ честь получить Ваше письмо изъ "Вильдбадена отъ $\frac{27\text{ Іюня}}{9\text{ Іюля}}$. Я былъ пораженъ, чи-"тая въ немъ, что Вы нашли въ моемъ записку "неизвѣстнаго почерка и просмотрѣлъ копію съ "этой записки, которую Вы мнѣ прислали; мнѣ бы "было очень любопытно знать, кто осмѣлился позво-"лить себѣ такую дерзскую штуку, такое дѣйствіе, "которому нѣтъ имени."

А! Вамъ бы было любопытно знать! Такъ что же? Вѣдь это любопытство не трудно удовлетворить? Фельдмаршалъ предупреждаетъ Ваше желаніе!

Вотъ все, что Кн. Долгоруковъ говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ. Потомъ безъ малѣйшей запинки, безъ выраженій негодованія, онъ продолжаетъ:

"Обращаясь вновь, Князь, къ генеалогическому "вопросу, на который каждый изъ насъ смотритъ "различно, Вы мнѣ говорите въ Вашемъ письмѣ, что "послѣ изданія, зимою, 4 тома моей Родословной "книги, Вы намѣрены протестовать. На это Вы "имѣете полное право, каждый можетъ протестовать "противъ печатной книги, но если завяжется поле-"мика по этому предмету, я также предоставляю

"себѣ въ свою очередь, издать въ свѣтъ возраженіе "противъ Вашего протеста, подкрѣпленное фактами "и неопровержимыми доказательствами. Публика "рѣшитъ между нами."

"Прошу Вашу Свѣтлость принять увѣреніе моего "почтенія."

Кн. Петръ Долгоруковъ.

Я удерживаюсь, М. Г., отъ всякаго разсужденія и предоставляю это письмо оцѣнкѣ Вашей совѣсти.

Посл ѣэтого Кн. Долгоруковъ не писалъ ни одного письма Кн. Воронцову, который съ своей стороны, Вы это безъ труда поймете, остановился также, не имѣя никакого повода писать. Кн. Воронцовъ умеръ 8 Ноября того же 1856 года т. е., чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ этихъ происшествій и переписки. Четвертый томъ Родословной книги вышелъ въ свѣтъ уже по смерти Кн. Воронцова. Сдержалъ ли въ немъ Кн. Долгоруковъ то обѣщаніе, о которомъ упоминаетъ Фельдмаршалъ? Нѣтъ. Въ изданномъ томѣ не помѣщены документы Кн. Воронцова, объ нихъ не сказано ни слова. Родъ Воронцовыхъ показанъ, какъ Вы уже могли угадать, происходящимъ не отъ древнихъ бояръ, но отъ какого то темнаго, неизвѣстнаго родоначальника, около XVII столѣтія. Послѣ появленія этого изданія все замолкло. Семейство Кн. Воронцова не подумало

даже объ изданіи опроверженія: все дѣло было забыто, похоронено вмѣстѣ съ Фельдмаршаломъ. Сынъ его, оплакивавшій недавнюю потерю, въ горѣ своемъ не подумалъ о протестѣ противъ генеалогическихъ ошибокъ, какая бы ни была ихъ побудительная причина.

Всѣ эти происшествія 1856 года были преданы забвенію когда вдругъ, сперва статья Г. Мишенскаго, потомъ письмо 1 Мая 1860 года вызвали ихъ вновь въ тѣхъ условіяхъ, какъ я Вамъ изъяснилъ. Предоставляю Вамъ судить каково было впечатлѣніе Кн. Воронцова, когда эти статьи попались ему на глаза.

Онъ былъ пораженъ въ глубинѣ сердца жестокимъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ знаменитой и заслуженной памяти Фельдмаршала, оскорбленіемъ и сыну въ чести отца.

Что было ему дѣлать? Отвѣчать ли на статью: *Courrier du Dimanche?* — Конечно это средство первое представлялось уму. Но не слѣдовало ли обратиться къ правосудію? Не давало ли оно возможности удовлетворенія въ обидѣ? Совѣты, данные въ это время Князю, не оставили ему ни малѣйшаго сомнѣнія. Оскорбленіе, поношеніе чести были очевидны; противъ такихъ дѣйствій законъ не былъ ни безгласенъ, ни безсиленъ. Къ какому же Суду

должно было обратиться? Въ то время, М. Г., только что окончился получившій извѣстность процессъ, въ которомъ обвинялся Прелатъ католической церкви, Архіепископъ, въ поношеніи памяти одного изъ своихъ предшественниковъ.[4]) Кассаціонный Судъ постановилъ замѣчательный приговоръ, на основаніи доклада, въ которомъ я вижу новое право этого достойнаго судилища на общее уваженіе и признательность. Поношеніе памяти умершихъ признано за преступное дѣйствіе, подлежащее суду исправительной Полиціи. Такимъ образомъ намъ естественно

---

[1]) Процессъ, о которомъ упоминаетъ Г. Мапьё, состоялъ въ слѣдующемъ: въ концѣ 1859 года, когда, по поводу Италіанскихъ дѣлъ, возникла въ журналахъ полемика о свѣтской власти Папъ, въ нѣкоторыхъ журналахъ былъ напечатанъ отзывъ бывшаго во времена первой Имперіи Архіепископа Орлеанскаго по предмету заключеннаго тогда Наполеономъ съ Папою конкордата. Этотъ отзывъ былъ не въ пользу домогательства Папы. Нынѣшній Архіепископъ Орлеанскій, Г. Дюпанлу, извѣстный и ярый приверженецъ папства и Рима, противъ этого напечаталъ статью о своемъ предмѣстникѣ, въ которой представилъ его частную жизнь и нравственныя качества въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Наслѣдники прежняго Епископа начали процессъ противъ Г. Дюпанлу за оскорбленіе памяти. Рѣшеніемъ Суда Архіепископъ Орлеанскій, Дюпанлу, былъ признанъ виновнымъ.

открывался путь этого суда. Но мы не избрали этой формы Суда, которая впрочемъ, въ другомъ только видѣ, одинакова съ Вашею. По чему же? Потому что законъ, вѣрный до конца своей цѣли, для сохраненія общественнаго спокойствія, воспрещаетъ опубликованіе судебныхъ преній въ дѣлахъ оскорбленія чести. Но семейство Воронцовыхъ не только не страшилось гласности, на противъ оно хотѣло въ этомъ дѣлѣ самаго яркаго свѣта предъ публикою. Въ добросовѣстномъ убѣжденіи, я думалъ, что съ измѣненіемъ формы Суда, процессъ не будетъ уже подлежать ограниченіямъ закона 1819 года, что предъ Вашимъ судомъ общее правило всѣхъ дѣлъ есть полная гласность; что ничто, кромѣ Вашей собственной воли, не въ правѣ закрыть Ваши засѣданія отъ публики и что потому это поношеніе чести, эти оскорбленія, распространенныя Кн. Петромъ Долгоруковымъ противъ имени Фельдмаршала Воронцова, получатъ громкое и яркое наказаніе не только въ торжественности Вашихъ засѣданій, но и въ полной ихъ гласности, которую я желаю и призываю всѣмъ сердцемъ. Меня увѣряютъ, что я ошибся въ этомъ убѣжденіи, что законъ ограничиваетъ и и здѣсь гласность и что журналисты, изъ весьма понятнаго чувства самосохраненія, откажутся печатать эти пренія, если не будетъ согласія обѣхъ сто-

ронъ, потому что законъ не дозволяетъ имъ этого. Что касается моего согласія, я его даю; располагать согласіемъ моего противника я не въ правѣ. Но повторю еще, что выбралъ эту форму Суда, а не другую, именно съ тою цѣлію, чтобы пренія по этому дѣлу получили полную гласность, не только публичностію Вашихъ засѣданій, но и посредствомъ печати въ журналахъ. Отъ Суда зависитъ если возможно, не обмануть моихъ надеждъ и избавить меня, не скажу отъ упрека самому себѣ, но отъ искренняго сожалѣнія о несбывшемся ожиданіи.

Сказавъ это, я приступаю къ дѣлу и надѣюсь не утомить имъ Вашего вниманія.

Еслибъ я имѣлъ намѣреніе доказать только, что поношеніе чести и оскорбленіе нанесены и что мнѣ нужно за это удовлетвореніе, что виновникъ, или участникъ этого оскорбленія Кн. Петръ Долгоруковъ и журналъ *Courrier du Dimanche* въ лицѣ редактора своего Г. Лоранъ, то моя задача уже была бы окончена. Это вещи несомнѣнныя и очевидныя какъ относительно Кн. Долгорукова, такъ и журнала, особенно въ смыслѣ Гражданскаго иска. Противъ журнала я бы не сталъ доказывать намѣренности оскорбленія памяти Фельдмаршала Воронцова, но могъ бы выставить величайшую его неосторожность, ошибку, и просить приложенія ст. 1382 Наполеонова кодекса.

Дѣйствительно, возможно ли это? Журналъ самъ сознается, что въ его анекдотѣ, съ котораго началось все дѣло, Кн. Долгоруковъ не названъ, даже ничѣмъ не указанъ, что онъ поэтому не можетъ ничего требовать отъ журнала за слова, которыя къ нему не отнесены, съ другой стороны статья Г. Мишенскаго не относится также нисколько ни къ Кн. Михаилу Воронцову, ни къ его семейству; никто не затронутъ, и между тѣмъ журналъ принимаетъ безъ разбора, безъ повѣрки письмо въ отвѣтъ на эту статью, письмо наполненное прикрытыми и явными обвиненіями чести, клеветою. Журналъ во всякомъ случаѣ виновенъ въ легкомысліи, въ важной неосторожности, если не предъ уголовнымъ закономъ, то предъ гражданскимъ и этого было бы достаточно для меня, что бы достигнуть судебнаго приговора противъ журнала и Кн. Долгорукова. Этимъ бы ограничились всѣ мои доводы и въ удовлетвореніе мнѣ бы было присуждено денежное вознагражденіе. Но я денегъ не ищу, и если въ заключеніяхъ своихъ я прошу присужденія виновныхъ къ платежу убытковъ и проторей, предоставляя Суду назначить ихъ цифру, то это сдѣлано лишь для соблюденія юридической формы. Судъ воленъ и ничего не назначить: честь Фельдмаршала Воронцова не цѣнится на вѣсъ золота.

Но еслибъ я остановился на такомъ заключеніи, еслибъ Вашъ приговоръ не могъ простираться далѣе; это удовлетвореніе было бы для меня не достаточно. Въ этомъ процессѣ есть другой вопросъ. Въ бумагахъ, представленныхъ въ судъ къ дѣлу отъ Кн. Долгорукова и которыя онъ или составлялъ, или подалъ ихъ мысль, потому что эта личная его мысль видна на каждой строчкѣ, вопросъ поставленъ въ особенной формѣ. Я принимаю его въ этомъ видѣ: Вотъ онъ:

Сомнѣнію нѣтъ мѣста: или сдѣланъ подлогъ, или была недостойная попытка на мошенничество.

Да; Вы правы; именно такъ! Или сдѣланъ подлогъ, — мы увидимъ кѣмъ, — или сдѣлана недостойная попытка на мошенничество относительно Кн. Воронцова, — и я утверждаю, что эта попытка сдѣлана Вами. Вотъ въ чемъ цѣль моихъ доказательствъ.

Я говорю прямо Кн. Долгорукову: Вы не только поноситель чести, Вы клеветникъ. То, что Вы называете подлогомъ, приписывая его Кн. Воронцову, это Ваша работа; Вы написали безыменную записку, полученную Княземъ въ письмѣ, запечатанномъ Вашею гербовою печатью, вмѣстѣ съ другимъ письмомъ, которое Вы признаете за свое. Вотъ что я говорю и что вызываюсь доказать. Вотъ, М. Г., предметъ

дополнительныхъ заключеній, представленныхъ мною Вамъ. Я предлагаю представить доказательства, и доказательство уже готово, оно является само собою. Вотъ оно:

Безыменная записка, о которой я Вамъ говорилъ выше, конечно кѣмъ нибудь написана; вѣдь она не упала съ неба; къ ней нельзя примѣнить словъ Монтескье о его безсмертномъ твореніи, словъ, въ которыхъ впрочемъ болѣе гордости, чѣмъ истины: *prolem sine matre natam.* Вѣдь кто нибудь написалъ эту записку? Кто же? Кн. Воронцовъ? Такого предположенія нельзя и допустить. Я увѣренъ, что даже противникъ мой не остановится на немъ: думаю такъ. Устранимъ же это предположеніе и что намъ останется? Записка написана или кѣмъ нибудь постороннимъ, или самимъ Кн. Долгоруковымъ: средины нѣтъ; одно изъ двухъ. Въ бумагахъ, представленныхъ Суду нашими противниками, въ бумагахъ весьма важныхъ, потому что онѣ не иначе составлены, какъ по замѣткамъ самого Кн. Долгорукова, приходятъ къ той же необходимости, къ той же мысли, которую я Вамъ сейчасъ высказалъ, именно къ необходимости найти происхожденіе этой записки независимое отъ личности, ни Кн. Долгорукова, ни Кн. Воронцова. Какое же предположеніе создало для этого воображеніе Кн. Долгорукова?

Позвольте мнѣ представить Вамъ точный и вѣрный смыслъ заключеній его и Вы опредѣлите ихъ достоинства. Вотъ что онъ говоритъ: Я зналъ, что Кн. Воронцова не было въ Петербургѣ, но не зналъ гдѣ онъ. По этому письмо свое къ нему я отправилъ не прямо, а въ его контору. Могло случиться — (надобно бы сказать не: могло случиться, а утвердительно: случилось), — что въ конторѣ Князя, кто нибудь изъ служащихъ въ ней зная мой почеркъ, сверхъ того по печати съ гербомъ Долгоруковыхъ, догадываясь, что письмо отъ меня, могъ предположить, что оно относится къ какимъ нибудь переговорамъ, имѣющимъ особенный интересъ, быть можетъ щекотливымъ. Любопытство, можетъ быть желаніе извлечъ изъ этого личную выгоду, заставили этого служащаго въ конторѣ открыть пакетъ. Онъ прочелъ мое письмо. Оно открыло ему существо самаго дѣла, о которомъ шла рѣчь и тогда вотъ соображеніе, которое онъ придумалъ: онъ вложитъ въ пакетъ, вмѣстѣ съ письмомъ Кн. Долгорукова, записку, въ которой будетъ предложено Кн. Воронцову дать Кн. Долгорукову 50 т. рублей. Конечно этотъ человѣкъ зналъ какъ нельзя лучше, что Кн. Долгоруковъ неспособенъ сдѣлать подобное предложеніе неспособенъ взять какую бы то ни было сумму за искаженіе истины. Но онъ сказалъ самъ себѣ:

я напишу безыменную записку, потомъ я непремѣнно буду тотъ самый изъ служащихъ у Кн. Воронцова: котораго онъ употребитъ для переговоровъ съ Кн. Долгоруковымъ объ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Тогда я получу 50 т. руб. для подкупа Кн. Долгорукова на измѣненіе родословной; конечно не буду ихъ вовсе и предлагать Кн. Долгорукову, а оставлю себѣ. Статья родословной появится въ печати въ томъ видѣ, въ какомъ бы она и безъ того появилась, т. е. безъ нарушенія истины, а въ заключеніе я, по этому діавольски придуманному соображенію, пріобрѣту 50 т. руб., а Кн. Долгоруковъ будетъ потерянъ въ мнѣніи Кн. Воронцова, какъ сдѣлавшій подлость. Кн. Воронцовъ будетъ думать, что Кн. Долгоруковъ взялъ 50 т. руб. и не исполнилъ того, что вслѣдствіе этой условленной платы обязывался сдѣлать. Но какое дѣло! штука будетъ сыграна, хотя бы въ ущербъ и Кн. Долгорукову и Кн. Воронцову.

Вотъ въ чемъ заключается это предположеніе.

Противъ него является сейчасъ весьма натуральное возраженіе, которое наши противники предупреждаютъ: могутъ имъ замѣтить что записка получена Кн. Воронцовымъ, какъ онъ утверждаетъ, за печатью Кн. Долгорукова. Это возраженіе сущая бездѣлица для воображенія, создавшаго всю эту смѣлую гипотезу. Родъ Долгоруковыхъ очень много-

численъ. Въ Россіи, по меньшей мѣрѣ, 42 князя, носящихъ и имѣющихъ право носить это имя и употребляющихъ гербъ рода Долгоруковыхъ. Отчего не предположить, что одна изъ печатей одного изъ 42 князей затерялась и попала въ руки конторщика, о которомъ говорится, а онъ такимъ образомъ нашелъ способъ, сломавши печать письма и не прибѣгая къ средствамъ, употребляемымъ, говорятъ, въ черныхъ кабинетахъ государственныхъ Почтовыхъ полицій, запечатать письмо снова такъ, что вскрытіе его осталось не замѣтно.

Вотъ, М. Г., съ совершенною точностію то, что серіозно предполагаетъ мой противникъ. Я отъ него заимствовалъ этотъ любопытный разсказъ.

Не ужели есть что нибудь истинное въ этой исторіи? Какъ! Въ Конторѣ Кн. Воронцова могъ найтись человѣкъ вопервыхъ довольно наглый и смѣлый (положимъ еще что это возможно), но затѣмъ столько безумный, такой дуракъ (прошу извинить это выраженіе), что придумалъ такую ужасную машину, какъ эта записка, которую очень естественно Кн. Воронцовъ долженъ былъ приписать Кн. Долгорукову, и изъ этого дѣйствія полагалъ извлечь свои выгоды, расчитывая на чтоже? — на случай, только на случай, и самый неожиданный, потому что, замѣтьте, нужно непремѣнно приладить такъ, чтобы

Кн. Воронцовъ поручилъ эту странную сдѣлку съ Кн. Долгоруковымъ именно тому конторщику, который написалъ безыменную записку. Безъ этого онъ, если не имѣлъ сообщниковъ, не достигалъ никакой цѣли. Еслибъ случай обратилъ Кн. Воронцова на другаго изъ служащихъ, этотъ другой конечно бы ничего не понялъ и тогда все дѣло пошло бы на вѣтеръ, и успѣхъ его вышелъ бы уже совершенно невозможнымъ. Надобно признаться, что трудно выдумать исторію нелѣпѣе этой. Прихожу къ слѣдующему заключенію, и къ заключенію, вытекающему изъ безусловной необходимости, что невозможно, ни на одну минуту, допустить мысли, что бы посторонній человѣкъ могъ написать эту записку, какъ вѣроятно будутъ еще утверждать предъ Вами. Если же это не можетъ быть дѣломъ постороняго человѣка, то какимъ образомъ могло бы это не быть дѣломъ Кн. Петра Долгорукова? Не забудьте безыменая записка была въ запечатанномъ конвертѣ, за его гербовою печатью, вмѣстѣ съ письмомъ его самого. Въ однихъ этихъ матеріальныхъ указаніяхъ, принявъ невозможность приписать ее Кн. Воронцову, или кому нибудь изъ его Конторы, Вы найдете самое сильное, самое неопровержимое нравственное доказательство, что одинъ только Кн. Долгоруковъ могъ ее написать.

Посмотримъ же теперь, нѣтъ ли, рядомъ съ этими первоначальными указаніями и выводами, еще того, что я назову матеріальными, несомнѣнными, очевидными, рѣшительными доказательствами. Но для этого мнѣ нужно обратить Ваше вниманіе на самые документы, на которыхъ я основываю мои доводы.

Президентъ. Не желаете ли Вы, Г. Матьё, нѣсколько отдохнуть?

Г. Матьё. Очень буду благодаренъ, если Суду угодно это дозволить. (Засѣданіе пріостановлено на нѣсколько минутъ).

Президентъ. Г. Мари, думаете Вы отвѣчать сегодня?

Г. Мари. — Врядъ ли Г. Президентъ; вѣроятно Г. Матьё еще не такъ скоро кончитъ.

Президентъ. Сколько примѣрно времени, Г. Матьё, нужно Вамъ еще?

Г. Матьё. Не могу навѣрно сказать, но надѣюсь окончить въ три четверти часа.

Президентъ. Продолжайте.

Г. Матьё. М. Г. — Для большей ясности моихъ словъ я передалъ Г. Президенту оригиналы безыменной записки и письма Кн. Долгорукова и многимъ членамъ Суда возможно-вѣрные съ нихъ снимки,

вѣрные потому, что они сдѣланы посредствомъ фотографіи. Жалѣю, что не имѣлъ бо́льшаго числа экземпляровъ, чтобы вручить ихъ каждому изъ Гг. Членовъ. У меня остался только одинъ, безъ котораго я обойтись не могу.

Г. Мари. Я бы также желалъ имѣть одинъ, что бы слѣдить за Вашими доводами.

Г. Матьё. — Въ эту минуту я никакъ не могу отдать Вамъ своего.

(Одинъ изъ Гг. членовъ Суда передаетъ свой экземпляръ Гну. Мари.)

Г. Матьё. Чтобы разсмотрѣть эти бумаги въ подробности, на сколько это возможно здѣсь, нужно бы было взять каждую букву безыменной записки и сличить ихъ съ подобными буквами въ письмѣ Кн. Долгорукова. Но такъ далеко я не пойду. Я сдѣлаю лишь небольшой разборъ, предоставляя Вамъ судить между моимъ противникомъ, который будетъ отвергать сходство, и мною, который его утверждаетъ. Но сперва меня поражаетъ общее замѣчаніе, въ важности котораго, мнѣ кажется, я не ошибаюсь и которое позвольте мнѣ Вамъ изложить. Повторю, что сказалъ выше: Только два предположенія возможны между моимъ противникомъ и мною, — или безыменная записка написана посто-

роннимъ, или Кн. Долгоруковымъ. Написана ли она даже самимъ Кн. Воронцовымъ, — пожалуй введемъ и это предположеніе, — или однимъ изъ служащихъ въ его конторѣ, — и то, и другое взойдетъ въ разрядъ посторонняго человѣка. Если это не рука посторонняго, то рука Кн. Долгорукова. Средины нѣтъ между этими предположеніями; конечно и мой противникъ не найдетъ ея. —

Разсмотримъ же эти бумаги, — и вотъ съ самаго начала, что мы себѣ скажемъ: Еслибъ посторонній человѣкъ сдѣлалъ подлогъ, то вотъ какое явленіе мы непремѣнно бы замѣтили, явленіе, представлявшееся Вамъ еще чаще, чѣмъ мнѣ, въ различныхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ о подлогахъ въ актахъ. Что озабочиваетъ поддѣлывателя? О чемъ онъ старается когда подражаніемъ, болѣе или менѣе искуснымъ, хочетъ усвоить чужой почеркъ? Все его стараніе въ томъ, чтобы стереть свои собственныя отличительныя черты и, такъ сказать, взойти въ отличительныя черты другаго. Его цѣль, его желаніе подражать почерку, который онъ хочетъ себѣ усвоить. Конечно, подражаніе не будетъ безусловное; найдутся различія, потому что нѣкоторый характеръ собственнаго почерка поддѣльщика, характеръ обычный, неизмѣнный выдастъ его въ

затѣянной поддѣлкѣ. Въ почеркѣ посторонняго, который рѣшится на поддѣлку, обнаружится непремѣнно рабскій, искуственный слѣпокъ съ чужаго почерка, съ того, которому онъ хочетъ подражать. Впрочемъ можно еще допустить и такое предположеніе, что посторонній человѣкъ будетъ думать и заботиться только объ одномъ: скрыть свой собственный почеркъ.

Вотъ что должно встрѣтиться въ почеркѣ подъ перомъ посторонняго человѣка, кто бы онъ ни былъ, самъ ли Кн. Воронцовъ, или всякій другой, кто бы вздумалъ оклеветать Кн. Долгорукова. Или рабское подражаніе, слѣпокъ, или почеркъ безъ малѣйшаго сходства съ почеркомъ человѣка, противъ котораго подлогъ сдѣланъ.

Но если безыменная записка написана тѣмъ самимъ, на кого она указываетъ и кого обвиняетъ, то тогда необходимъ совершенно другой способъ письма и результатъ этого будетъ другой. Собственному почерку нечего подражать, поэтому поддѣлыватель будетъ только стараться скрыть его. Но не смотря на всевозможное искуство, какъ бы воля ни была энергически сильна, какъ ни велико терпѣніе, — въ почеркѣ, также какъ и въ характерѣ человѣка есть то, что я назову идіотизмами, есть неизмѣнныя привычки, которымъ человѣкъ по-

винуется инстинктивно и противъ которыхъ самая воля безсильна. Если безыменная записка написана Кн. Долгоруковымъ, мы найдемъ въ ней его почеркъ, но искаженный и, рядомъ съ искаженіемъ и измѣненіемъ цѣлаго, отдѣльныя, особенныя буквы, которыя выкажутъ одно и тоже происхожденіе письма и записки, лежащихъ передъ Вами. Вотъ на что я хотѣлъ обратить Ваше вниманіе, какъ на основу при сличеніи, къ которому Вы приступите. Теперь же, сдѣлавъ это общее замѣчаніе, я приступлю къ разбору не каждой буквы, что было бы трудно, утомительно и даже не возможно, но въ общемъ видѣ безыменной записки и двухъ признаныхъ писемъ Кн. Долгорукова отъ $\frac{4}{16}$ Іюня и $\frac{16}{28}$ Іюля 1856 года. —

Начинаю тѣмъ, что попрошу Васъ замѣтить нѣкоторыя черты, особенно поразившія меня и которыя, надѣюсь, поразятъ и Васъ.

Первое слово *Altesse* написано три раза въ первомъ письмѣ Кн. Долгорукова и одинъ разъ въ безыменной запискѣ. Оно начинается заглавною буквою *A*, имѣющею очень оригинальную форму, именно въ томъ, что вторая половина буквы оканчивается послѣ прямой незакругленной черты, особеннымъ отчеркомъ, какой не встрѣчается обыкновенно, и явно показываетъ, что эта манера свойственна

привычна рукѣ, написавшей эту букву. Обратите вниманіе на связь этой буквы съ буквою *l*, и этой съ буквою *t*, посмотрите также на двойное *S* между двумя *e*, въ концѣ слова. Потомъ обратитесь къ подлинному письму Кн. Долгорукова. Вы найдете рѣдкую и драгоцѣнную возможность сличенія въ томъ же словѣ, написанномъ нѣсколько разъ тою же рукою. На четвертой строкѣ этого письма Вы встрѣчаете слово *Altesse*. Буква *A* совершенно одинакова въ безъименной запискѣ и письмѣ. Въ буквѣ *l* и въ связи ея съ буквою *t* видѣнъ тотъ же характеръ. Самая буква *t* немного измѣнена. Въ подлинномъ письмѣ *t* въ нижней своей части, оканчивается такимъ же отчеркомъ, какъ буква *A*; въ безъименной же запискѣ *t* въ концѣ немного закруглено. Но за то два *S*, и по ихъ связи, и по ихъ формѣ, почти прямой, а не наклоненной, какъ вообще пишутъ, и по всему ихъ характеру не представляютъ никакого различія. Это характеристическое двойное *S* Вы встрѣтите его съ тѣмъ же безусловнымъ сходствомъ въ слогахъ: *impossible* (3 стр.), *professe* (7 стр.) *pressez* (10 стр.).

Кромѣ этого двойнаго *S* въ словѣ *Altesse*, есть и другія, на которыя распространяется мое замѣчаніе о ихъ особенномъ характерѣ. Ихъ много и въ безъименной запискѣ и въ подлинномъ письмѣ. Раз-

смотрите ихъ одна за другою. Онѣ, конечно, не совершенно одинаковы, но похожи другъ на друга. Какъ говоритъ поэтъ:

Facies non omnibus una

Non diversa tamen, qualem debet esse sororum.

Въ нихъ есть что то родное, семейное, — какая то общая физіономія.

Вы можете приложить эти же замѣчанія къ тому же слову: *Altesse*, на седьмой строкѣ подлиннаго письма Кн. Долгорукова. Точно такъ же связаны *A* и *l*, а двойное *S* поражаетъ невѣроятнымъ сходствомъ.

Но есть еще одно особенно важное сходство, которое драгоцѣнно для раскрытія дѣла. Конечно нѣтъ ничего характеристичнѣе, неизмѣннѣе подписи каждаго изъ насъ, подписи, которую мы каждый день дѣлаемъ въ концѣ своихъ писемъ, къ которой наша рука съ издавна привыкла, которая съ перваго нашего возмужалаго возраста была для насъ отличительнымъ знакомъ нашей гражданской личности. Ни въ одномъ словѣ не выразятся такъ привычки и индивидуальность человѣка, какъ въ его подписи; кажется этого ненужно и доказывать.

Посмотрите же въ концѣ письма $\frac{4}{16}$ Іюня несомнѣнную подпись Кн. Долгорукова. Потомъ сравните съ нею тѣже слова этой подписи, скажу

болѣе всю подпись, находящуюся на шестой строкѣ безъименной записки. Въ послѣдней сказано: *au Pce Pierre Dolgorouky;* въ подписи письма *Prince Pierre Dolgoroukow.* По общему ихъ характеру эти слова совершенно сходны, — и точно также совершенно сходны, если Вы разберете ихъ въ подробности. Обратите вниманіе въ запискѣ на форму буквы *P,* съ которой начинается слово *Pierre.* Слово это не все прописано; буква *P* немного вытянута вверхъ а потомъ вверху прибавленъ слогъ *ce* мелкими буквами. Буква *P,* какъ я сказалъ, вытянута; такъ и надо было ожидать: въ этомъ необходимое искаженіе почерка. Но форма этой буквы, въ запискѣ и въ подписи письма, одинакова; это характеристическая, исключительная форма, зависящая отъ застарѣлой привычки руки. Тоже самое должно сказать о буквахъ *ce,* но съ обратнымъ различіемъ, т. е. съ укороченіемъ этихъ буквъ. Онѣ связаны одинаково. Затѣмъ обращаюсь къ слову *Pierre.* Въ этомъ словѣ Вы замѣтите нерѣшительность почерка въ безъименной запискѣ. Буква *e* слишкомъ толсто выведена, но вслѣдъ за нею особенно прошу обратить вниманіе на два *r* въ этомъ словѣ. Они связаны такъ, что кажутся въ родѣ одной буквы *n.* Посмотрите на подпись Кн. Петра Долгорукова. Взгляните въ ней на буквы *r* и Вы найдете уже не только сходство,

но совершенное тождество: эти буквы имѣютъ также форму *n*. Сравните оба слова: Долгоруковъ. Таже форма буквъ, тоже наклоненіе ихъ, тотъ же характеръ; нѣтъ разницы. Оба заглавные *D* совершенно сходны; *o* и *l* связаны одинаково; тоже сходство въ буквѣ *g;* за нею слѣдуетъ слогъ *or*. Приложите къ нему замѣчаніе, сдѣланное мною на слово *Pierre* и Вы найдете, что буква *r* связана съ буквою *o* совершенно тѣмъ же манеромъ. Буква *o* еще не закончена вверху, а рука такъ быстро идетъ, что не выдѣлываетъ буквы *r*, довольствуясь одною чертою, которая какъ бы не отдѣляется отъ второй половины *o* и вдругъ наклоняется слѣва на право совершенно особеннымъ, страннымъ образомъ. Возьмите *o* и *r* въ словѣ *Dolgorouky* въ безъименной запискѣ и Васъ поразитъ безусловное тождество признаковъ, на которые я указалъ.

Но не къ этому одному слову относятся мои замѣчанія. Есть еще одно, которое имѣетъ притомъ особенное значеніе въ процессѣ. Это слово: *généalogie*. Вы найдете его на второй строкѣ письма Кн. Долгорукова, гдѣ онъ пишетъ: *quatrième volume de mon livre généalogique*. Я не утверждаю чтобы эти слова были написаны совершенно одинаково, но утверждаю что они одной руки, что ихъ характеръ

и физіономія одинаковы, а различіе ихъ только въ частностяхъ.

Сверхъ этихъ общихъ замѣчаній на нѣсколько словъ взятыхъ на удачу, въ которыхъ я показалъ одинаковость формы и связи буквъ, между письмомъ и запискою, я бы могъ обратиться къ подробному сравненію: оно привело бы къ тѣмъ же выводамъ. Но къ чему эта сложная, утомительная и безполезная работа? Не хочу утруждать Вашего вниманія; бумаги предъ Вами; Вы ихъ сличите; мелочной разборъ для Васъ ненуженъ.

Но есть еще одна буква, на которую, однако, позвольте указать. Это буква *W*. Она встрѣчается только разъ въ безъименной запискѣ: ею начинается слово *Woronzoff*. Эта буква имѣетъ совершенно особенную физіономію. Въ ней видна рука, привыкшая писать ее не такъ, какъ она обыкновенно пишется. Что же? Возьмите письмо Кн. Долгорукова и сравните. На второй строкѣ письма въ словѣ *Weliaminow*, на третей въ словѣ *Woronzow* Вы найдете, что обѣ написаны точно также. Сличите ихъ съ безъименною запискою и укажите мнѣ, если возможно, хоть малѣйшую разницу. Повторяю еще: я бы могъ приложить точно такія же изслѣдованія и замѣчанія, какія представилъ Вамъ о буквѣ *A*, почти ко всѣмъ буквамъ. Ограничусь послѣднею. Я сейчасъ Вамъ

выставлялъ, какъ буква *A*, въ словѣ *Altesse*, оканчивается отчеркомъ совершенно оригинальнымъ. Всмотритесь же въ букву *t* въ подлинномъ письмѣ Кн. Долгорукова, Вы увидите, что она имѣетъ совершенно тотъ же характеръ и ту же форму, т. е. не оканчивается округленною чертою, но отчеркомъ въ нижней части буквы. Возьмите, напримѣръ, въ письмѣ Кн. Долгорукова отъ $\frac{4}{16}$ Іюня 1856 года, бувву *t* въ словѣ *été*, на четвертой строкѣ. Вы опять встрѣтите тотъ же особенный характеръ, который отпечатываетъ и несомнѣнно указываетъ свое происхожденіе, т. е. это самое окончаніе буквы оригинальнымъ отчеркомъ.

Если отдѣльныя буквы представляютъ такое разительное сходство, что же Вы скажете, когда оно представится въ цѣлыхъ словахъ, одинаковыхъ въ письмѣ и запискѣ. Я уже указалъ Вамъ на нѣкоторыя изъ нихъ, но есть и другія. На десятой строкѣ подлиннаго письма Кн. Долгорукова сказано: *Si Vous ne Vous pressez point.* Замѣтьте вопервыхъ двойное *s* и сравните съ тѣмъ же двойнымъ *s* слова *Altesse.* Но въ особенности замѣтьте слово *point;* обратите на него все Ваше вниманіе. Замѣтьте букву *p:* какъ первая долгая его черта отклоняется влѣво, вверху и внизу, — его связь съ буквою *o*, букву *i*, которая какъ будто бы прямо выходитъ изъ буквы *o*, въ томъ же родѣ, какъ *r*, на который

я Вамъ указывалъ въ словѣ *Dolgoroukow*. Внимательно всмотритесь въ эти буквы и перенеситесь къ послѣдней строчкѣ, къ предпослѣднимъ словамъ безъименной записки: *Il n'y a point de temps à perdre*. Сличите и скажите. — Вѣдь Вы скажете такъ же, какъ я: оба слова не только сходны, они одинаковы. Конечно одно изъ нихъ немного болѣе вытянуто, но буквы, но форма ихъ совершенно одно и тоже.

Вотъ другое слово, то, которое является сначала строки въ подлинномъ письмѣ Кн. Долгорукова: *le temps marche*. Тоже односложное слово Вы находите въ запискѣ: *Il n'y a point de temps à perdre*. Возьмите же это слово *temps*. Буква *t* совершенно одинакова, съ отчеркомъ внизу; *e* связано точно также; буква *m* напоминаетъ манеру двойнаго *r* въ подписи Кн. Долгорукова, очень оригинальную и поразительную. Вся буква наклонена въ право, черты ея не ровны, первая длиннѣе второй, вторая короче, а третья едва обозначена, въ этомъ только и различіе, вовсемъ же прочемъ буква *m* въ обѣихъ бумагахъ одинакова, а все слово имѣетъ рѣшительно одинъ и тотъ же характеръ.

Эти матеріальныя доказательства ясны, но они представляются еще яснѣе и ярче, когда дѣлаешь полное, внимательное сличеніе одинъ, въ тишинѣ, самъ съ собою.

Я взошелъ въ эти подробности предъ Вами, М. Г., потому только, что это была обязанность и потребность процесса. Я хотѣлъ показать Вамъ что сличеніе черезъ экспертовъ было бы излишне. Я его и не требую, но и не опасаюсь нисколько. Судъ можетъ назначить законное сличеніе. Я же скажу, вовсе не думая льстить, что самымъ лучшимъ сличеніемъ считаю то, которое будетъ сдѣлано Гг. Судьями и наглядно, и умомъ, привычнымъ уже къ подобнаго рода загадочнымъ дѣламъ.

Но между этими двумя письменными документами есть еще другаго рода сходство и въ моихъ глазахъ оно еще важнѣе и серіознѣе. Я говорю не только что безъименная записка написана Кн. Долгоруковымъ, но что и письмо и записка одновременны, они внушены одною и тою же мыслію. Въ подлинномъ письмѣ эта мысль скрыта; въ запискѣ она открыта и цинически высказана. Допустимъ, что обѣ бумаги написаны подъ однимъ и тѣмъ же внушеніемъ, допустимъ, что Кн. Долгоруковъ самъ вложилъ въ свой конвертъ безъименную записку вмѣстѣ съ письмомъ. Что должно выйти? Не смотря на желаніе скрыть себя, непремѣнно найдутся и въ письмѣ родственныя мысли и одинакія выраженія, чтобъ передать ихъ.

Такимъ образомъ посмотримъ что пишетъ Кн.

Долгоруковъ о бумагахъ, которыя были ему переданы. Онъ выражаетъ желаніе получить еще какія-то бумаги, о которыхъ, извѣстно, никогда не было ему говорено. Онъ шепетъ: 4 Томъ моего сочиненія поступаетъ въ печать, и прибавляетъ: время идетъ, надобно спѣшить доставленіемъ документовъ. Затѣмъ взглянемъ на заключеніе, на окончательную мысль, на послѣднее выраженіе безъименной записки. Въ ней говорится: но не надобно терять времени; въ письмѣ было: время идетъ, надобно спѣшить. Конечно это не одни и тѣже слова, но безъ сомнѣнія одна и таже мысль; нечего и доказывать это. Въ письмѣ и запискѣ аналогія словъ и мыслей указываетъ на одно и тоже происхожденіе обоихъ.

Послѣ этихъ доказательствъ я возвращаюсь къ своему первоначальному вопросу. Кто же написалъ эту безъименную записку? Фельдмаршалъ Воронцовъ? Такое предположеніе невозможно. Слѣдовательно она есть произведеніе или посторонняго человѣка, или Кн. Долгорукова. Я доказалъ невозможность, чтобы посторонній человѣкъ могъ ее написать тѣми общими соображеніями, которыя Вы, М. Г., оцѣните, и матеріальнымъ разборомъ однихъ бумагъ, всѣмъ этимъ рядомъ выводовъ, которые я Вамъ представилъ. Ни посторонній человѣкъ, ни Кн. Воронцовъ не могли составить этой безъименной

записки. Стало быть, Вы, Князь Долгоруковъ ее написали. Больше некому. Тутъ Ваше имя, Вашъ почеркъ, Ваша манера, Ваша печать. Пусть судитъ каждый, кто сличитъ ее съ Вашими письмами. Никто, кромѣ Васъ, не могъ написать этой записки. Никого Вы не увѣрите въ противномъ. Можете ли Вы отрицать, что Вы одни извлекали выгоду изъ написанія ея? Вы требовали 50 т. р., то есть, около 200 тыс. фр., то есть цѣлый капиталъ. 200 тыс. фр.! скажете Вы; но Вы забываете о комъ Вы говорите; я Князь Петръ Долгоруковъ; я потомокъ великаго патріота Якова Долгорукова, котораго восхваляетъ Г. Мишенскій въ своей статьѣ; я замѣчательный писатель; по имени и по рожденію я принадлежу къ одному изъ древнѣйшихъ, изъ самыхъ благородныхъ аристократическихъ родовъ въ Россіи; состояніе мое обезпечивало меня и ограждало отъ тѣхъ низкихъ искушеній, которымъ подвержены несчастные авторы, упоминаемые Боало.

Эти гордыя рѣчи, — я прочелъ ихъ въ бумагахъ дѣла.

Да, это правда, Ваше происхожденіе знаменито; да, Вы по прямой линіи исходите отъ этого русскаго боярина, отъ этого народнаго патріота, Якова Долгорукова; да, Вашъ родъ очень благороденъ и изъ самыхъ древнихъ и Вы несомнѣнно къ нему принад-

лежите; но нужно ли представлять мнѣ Суду, что еще не довольно знаменитаго происхожденія и славнаго имени чтобы быть ихъ достойнымъ.

Кн. Долгоруковъ говоритъ о своемъ состояніи. Вѣроятно онъ разумѣетъ свое движимое состояніе, потому что недвижимыя имѣнія онъ, конечно, долженъ былъ отчуждить, перевести на деньги, какъ только задумалъ писать Правду о Россіи и въ ней поносить свое правительство. Рѣшаясь на это онъ не могъ оставаться владѣльцемъ своихъ недвижимыхъ имѣній. Но пусть же мой противникъ представитъ суду неоспоримыя доказательства этого состоянія, о которомъ говорится въ его бумагахъ и которое могло бы дать ему не только необходимое, но еще и излишнее, эту самую нужную вещь, по словамъ Вольтера, и тѣмъ самымъ оградило бы его отъ недостойныхъ искушеній, до которыхъ, по нашему мнѣнію, онъ унизился. Когда намъ докажутъ это состояніе, можетъ быть тогда я повѣрю, что есть хоть нравственное доказательство въ его пользу, нравственное препятствіе злу. До тѣхъ же поръ я позволяю себѣ думать, что ни его состояніе, ни состояніе его жены, съ которою онъ уже очень давно живетъ розно, не избавляютъ его отъ подозрѣнія предположеніемъ невозможности уступить корыстнымъ побужденіямъ. Даже и это состояніе, еслибъ оно было доказано, было бы

только нравственнымъ предположеніемъ, а какъ бы оно ни было важно, я думаю, что оно не можетъ имѣть силы противъ матеріальныхъ доказательствъ, если эти послѣднія не опровергнуты такими же.

Это приводитъ меня къ возраженію, котораго я ожидаю отъ своего противника и которое вѣроятно будетъ сдѣлано въ слѣдующемъ видѣ.

Кн. Долгоруковъ говоритъ: въ безъименной запискѣ есть особенность, которая доказываетъ, что я не могъ ее написать. Это оба собственные имени Воронцова и Долгорукова. Держась старинаго, настоящаго русскаго правописанія, я, хотя бы писалъ и по французски, пишу всегда въ концѣ слова Воронцовъ французское *W*, а не двойное *f*; свое имя я оканчиваю также буквою *W*, а не *i*, то есть, пишу Долгоруковъ, а не Долгорукій. Мои же противники, Воронцовы, держатся новой орѳографіи и пишутъ въ своемъ имени въ концѣ два *f*, а мое имя оканчиваютъ буквою *i*, а не *W*. Возможно ли, чтобы записка была написана мною, когда въ ней мое имя писано Долгорукій, а имя Воронцова съ двойнымъ *f* на концѣ.

Вотъ сущность этого возраженія. Не знаю въ какой мѣрѣ на него расчитываютъ, но меня оно не затрудняетъ. Я вовсе не утверждаю, чтобы Кн. Долгоруковъ написалъ эту записку такъ, чтобы изъ

нея было видно, что она имъ написана: было бы нелѣпо это думать. Напротивъ я говорю, что онъ, какъ и всякій въ подобномъ положеніи, хотѣлъ скрыть свою руку, свою личность, старался измѣнить, исказить свой почеркъ, однимъ словомъ хотѣлъ себя скрыть въ этомъ дѣлѣ, но не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Если онъ измѣнялъ свой почеркъ въ начертаніи буквъ, то конечно долженъ былъ думать и о измѣненіи цѣлыхъ словъ. Измѣненное правописаніе имени Воронцова и своего собственнаго должно было представиться прежде всего, для сокрытія истины. И онъ именно далъ этимъ собственнымъ именамъ окончаніе противное его обыкновеннымъ привычкамъ.

Но если въ возраженіи упоминается объ этихъ двухъ именахъ, позвольте же обратить Ваше вниманіе на двойное *f* въ словѣ Воронцовъ. Посмотрите какъ обѣ буквы связаны между собою; замѣтьте наклоненную влѣво форму перваго *f* и почти вертикальную втораго. Сравните эти два *f*, въ которыхъ онъ хотѣлъ скрыть свой почеркъ съ тѣми же буквами его подлинныхъ писемъ, на пр. въ послѣднемъ словѣ первой половины письма, въ словѣ *difficultés*. Сравните и судите о ихъ сходствѣ.

Прошу извинить меня, что вдаюсь въ столь долгій разборъ. Можетъ быть мнѣ бы слѣдовало из-

бавить Васъ отъ него. Я такъ и думалъ и съ этою цѣлію, опасаясь недостаточности моихъ собственныхъ силъ для всѣхъ выводовъ этого разбора, я рѣшился обратиться къ надежной помощи, чтобы уяснить дѣло себѣ и облегчить Суду его задачу. Я обратился къ искусному въ своемъ дѣлѣ человѣку, который притомъ столько благоразуменъ, что не выдаетъ себя за непогрѣшимаго, въ чемъ иногда упрекаютъ его товарищей. Онъ обладаетъ обширными познаніями, и извѣстенъ, какъ своимъ благороднымъ характеромъ, такъ и довѣріемъ, оказываемымъ ему судебными мѣстами. Я обратился къ эксперту Французскаго Банка, Г. Деларю. Мнѣніе его здѣсь конечно не болѣе, какъ свидѣтельское показаніе; онъ далъ его не по требованію Суда, а по частному моему желанію; онъ выразилъ его съ такою скромностію и безпристрастіемъ, которыя отличаютъ его трудъ отъ всѣхъ подобныхъ. Позвольте мнѣ представить Вамъ изъ него извлеченіе. Вотъ что пишетъ мнѣ Г. Деларю:

"Когда я долженъ высказывать свое мнѣніе "частно, какъ теперь, а не по назначенію Суда, моя "обязанность представляется мнѣ гораздо щекотли-"вѣе и отвѣтственнѣе, и я не принимаю ея на себя "иначе, какъ по предварительной оцѣнкѣ всего, "что служитъ къ опредѣленію настоящаго положенія

“вопроса, того, въ чемъ именно можетъ быть полезно
“мое знаніе и наконецъ важности самаго труда. При-
“ступая къ такому предварительному обзору по по-
“воду Вашихъ бумагъ, я былъ удивленъ, что Вамъ
“пришла мысль обратиться ко мнѣ. Пожелавъ имѣть
“мнѣніе экспертовъ Вы, извините, что скажу Вамъ
“прямо, сдѣлали ошибку а я принимаясь за дѣло
“боюсь, чтобы не заставить подумать, что опытности
“и дальновидности Судей будто бы для этого не-
“достаточно. По этому признаюсь Вамъ съ трудомъ
“берусь за работу и если вмѣсто того, не возвращаю
“Вамъ Вашихъ бумагъ, то только потому, что считаю
“Васъ болѣе въ правѣ, чѣмъ я, рѣшить, какъ лучше
“поступить въ этомъ случаѣ. Все таки я чувствую
“нѣкоторую неловкость и смущеніе въ указаніи
“Вамъ того, что всякій можетъ видѣть точно также,
“какъ я.”

“Ограничусь только тѣмъ, что выставлю Вамъ
“нѣкоторыя основныя начала оцѣнки этихъ бумагъ.
“Одинъ только взглядъ на нихъ показываетъ съ
“яркою очевидностію, что всѣ три бумаги одного
“происхожденія. Различіе, при общемъ обзорѣ, ка-
“жущееся между безъименною запискою и двумя пись-
“мами происходитъ не отъ того, чтобы они были
“написаны разными лицами, какъ можетъ быть ста-
“нутъ это утверждать противъ всякой очевидности,

"но просто отъ того только, и въ этомъ всякій убѣдится "при самомъ ограниченномъ вниманіи, что писавшій "ихъ, безъименную записку написалъ другимъ мане- "ромъ, чѣмъ оба письма. Письма онъ писалъ натурально, "бѣгло какъ обыкновенно пишетъ, а безъименную "записку — противунатурально, на манеръ, совер- "шенно ему непривычный и стараясь скрыть свой "естественный почеркъ. Онъ скрывалъ его, или "мѣняя форму нѣкоторыхъ буквъ, или давая имъ "чрезмѣрный видъ и наклоненіе, котораго онѣ обык- "новенно не имѣли. Не смотря однако на это, онъ "достигъ только того, что написалъ почеркомъ гру- "бымъ и карикатурнымъ. Неловкоеть, съ которою "двигалось перо, видна на каждомъ словѣ, а смѣшное "ослѣпленіе автора вездѣ."

„Впрочемъ иначе и быть не могло" и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ матеріальное сравненіе одного содержанія съ тѣмъ, которое я Вамъ уже изложилъ. Этимъ я кончаю матеріальный разборъ. Но я скажу еще нѣсколько словъ въ отвѣтъ на нравственные доводы, которые сейчасъ опровергалъ и заключающіеся въ положеніи Кн. Долгорукова, его благородномъ происхожденіи, его состояніи. Я считаю матеріальныя доказательства, представленныя мною, неопровержимыми. Таковы они въ моихъ глазахъ и предъ моею совѣстію. Но кромѣ ихъ, выше ихъ, я ставлю

доказательства нравственныя. Они представляютъ характеръ еще болѣе важный и рѣшительный. Я уже указалъ на нихъ, разсказывая факты. Позвольте мнѣ къ нимъ возвратиться: я постараюсь быть краткимъ.

Если Кн. Долгоруковъ невиненъ; если, какъ онъ утверждаетъ, онъ жертва злѣйшей тайной интриги, имѣющей цѣлію погубить его, заглушить его голосъ, поразить безсиліемъ его литературную дѣятельность посредствомъ пятна, брошеннаго на его личность; если все это, въ самомъ дѣлѣ такъ, то не говоря уже о подробномъ разборѣ безъименной записки, въ общемъ взглядѣ на факты и бумаги, Вамъ представленные, что нибудь должно показать эту невинность. Невинность не прибѣгаетъ ко лжи, не унижается до нея. Если Кн. Долгоруковъ невиненъ, онъ не будетъ скрывать истины, онъ выскажетъ ее, она сама вырвется изъ глубины его совѣсти и воспоминаній. Онъ не исказитъ ни роли Кн. Воронцова, ни своей; онъ неизвратитъ смысла ни дѣйствій, ни писемъ своихъ противниковъ. Но если Кн. Долгоруковъ виновенъ, то, напротивъ, онъ долженъ тогда лгать и искажать факты: это будетъ необходимостію его положенія и той роли, которую онъ себѣ хочетъ дать передъ публикою, обращаясь къ ней въ письмѣ 1 Мая 1860 года, которое служитъ основаніемъ

всему дѣлу. Однимъ словомъ: если онъ невиненъ, онъ будетъ говорить правду; если виновенъ, онъ осужденъ лгать. Кажется это ясно.

Мнѣ пожалуй скажутъ, что я называю ложью извинительныя ошибки, которыя не ведутъ еще къ столь строгому заключенію.

Нѣтъ, скажу я, и вотъ почему. Факты, къ которымъ я возвращаюсь и которые составляютъ содержаніе письма 1 Мая 1860 г., относятся не къ очень отдаленному, или забытому прошедшему; они были въ Іюлѣ 1856 года и притомъ это были не тѣ незначительные факты, которые проходятъ чрезъ жизнь каждаго изъ насъ и скользятъ по памяти, не оставляя слѣда. Это были важные факты для обоихъ лицъ, къ которымъ они относились, и память оныхъ не могла изгладиться. Я считаю это несомнѣннымъ и съ этою мыслію приступаю вновь къ письму 1 Мая 1860 г. Сведемъ его съ нѣкоторыми данными процесса.

Кн. Долгоруковъ говоритъ въ этомъ письмѣ, что Кн. Воронцовъ приставалъ къ нему съ искательствами. Онъ не приводитъ доказательствъ и я, также безъ доказательствъ, потому что матеріальныхъ доказательствъ тутъ не можетъ быть, отвергаю это. Я беру для этого основаніемъ славу и честь Фельдмаршала.

Пойдемъ далѣе. Онъ говоритъ въ этомъ же

письмѣ, что Кн. Воронцовъ говорилъ ему въ Петербургѣ о документахъ, подтверждавшихъ его права на древнее происхожденіе, обѣщалъ прислать ихъ Кн. Долгорукову и не прислалъ. Онъ прибавляетъ, что письмомъ просилъ Кн. Воронцова о присылкѣ этихъ документовъ, но что эта просьба осталась тщетною. Не стану перечитывать бумагъ, уже Вамъ извѣстныхъ. Но Вы помните письмо Кн. Долгорукова, разобранное мною, Вы помните также письмо Кн. Воронцова. Изъ нихъ видно, что Фельдмаршалъ доставилъ документы, что они были въ рукахъ Кн. Долгорукова. Слѣдовательно онъ вдвойнѣ лжетъ въ своемъ письмѣ 1 Мая 1860 г., говоря, что не получалъ ихъ и что требовалъ ихъ присылки отъ Фельдмаршала.

Но вотъ обстоятельство гораздо важнѣе. Онъ получаетъ письмо Кн. Воронцова и въ немъ *post-scriptum*, который я Вамъ прочелъ. Что дѣлаетъ онъ? Въ 1860 году онъ разсказываетъ, что былъ пораженъ и въ негодованіи написалъ Фельдмаршалу не слишкомъ вѣжливое письмо, хотѣлъ слѣдствія и чтобы вѣрнѣе достигнуть въ немъ успѣха требовалъ отъ Кн. Воронцова передать ему безъименную записку. Вотъ какъ онъ разсказываетъ.

Посмотримъ, такъ ли было? Конечно должно бы быть такъ, если онъ невиненъ, если не онъ на-

писалъ эту записку. Да, онъ будетъ пораженъ, въ негодованіи; онъ напишетъ Кн. Воронцову не слишкомъ вѣжливое письмо, и еще я нахожу это выраженіе слабымъ, — да, онъ настоятельно будетъ требовать врученія ему безъименной записки, чтобы настигнуть своего невидимаго клеветника и открыть слѣды подлога; да, такова должна быть его мысль, таковы дѣйствія, если онъ невиненъ.

Но если онъ виновенъ, если ему надобно опасаться изслѣдованія, котораго, какъ онъ увѣряетъ въ 1860 году, онъ будто бы въ то время требовалъ, тогда его роль будетъ совсѣмъ другая. Онъ будетъ въ отчаяніи, что расчетъ его не удался, ему будетъ стыдно, надѣюсь, онъ смущенъ, и одна его мысль, одно его желаніе должны быть, чтобы все это дѣло прошло незамѣтно, вскользь, чтобы притворнымъ равнодушіемъ привести къ тому, чтобъ Фельдмаршалъ Воронцовъ могъ подумать: кто знаетъ? Можетъ быть это и не его дѣло. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ будетъ стараться прекратить переписку непріятную и опасную, будетъ избѣгать слѣдствія, не напишетъ не слишкомъ вѣжливаго письма и его изумленіе и негодованіе ограничатся самыми умѣренными выраженіями.

Вотъ обѣ гипотезы невинности и виновности.

Которая же изъ нихъ оправдывается на дѣлѣ? Что

дѣлаетъ Кн. Долгоруковъ? Чтобы отвѣчать на это мнѣ остается только снова представить Вамъ его письмо Фельдмаршалу въ отвѣтъ на извѣстный *post-scriptum*.

Князь,

"Я имѣлъ честь получить Ваше письмо изъ "Вильдбада отъ $\frac{27\text{ Іюня}}{9\text{ Іюля}}$. Я былъ пораженъ" — (въ этомъ словѣ противникъ мой захочетъ отыскать дѣйствительное выраженіе изумленнаго негодованія, но, несмотря на его искуство, врядъ ли это ему удастся) — "я былъ пораженъ, читая въ Вашемъ "письмѣ, что Вы нашли въ моемъ записку неизвѣст- "наго почерка, и пробѣжалъ содержаніе этой за- "писки, копію съ которой Вы мнѣ приложили; мнѣ "бы было очень любопытно знать, кто осмѣлился "позволить себѣ такую дерзкую штуку, такое дѣйст- "віе, которому нѣтъ названія."

Какъ! такъ этими словами говоритъ человѣкъ въ негодованіи? Такъ говоритъ честный человѣкъ оскорбленный и оклеветанный?

Кн. Долгоруковъ останавливается на этомъ и съ чрезвычайною натуральностію и простотою продолжаетъ такимъ образомъ:

"Обращаясь, Князь, къ вопросу генеалогическо- "му, на который каждый изъ насъ смотритъ раз- "лично, и къ тому, что Вы говорите въ Вашемъ "письмѣ и. т. д."

Такъ позвольте же мнѣ сказать: не такъ выражается негодованіе человѣка, несправедливо обвиняемаго въ постыдномъ и низкомъ дѣлѣ.

Но и это обстоятельство не послѣднее: есть еще. Вы говорите, что потребовали вручить Вамъ безъименную записку и четыре недѣли напрасно ждали отвѣта. Но Вы говорите это уже въ 1860 году и въ это время Вамъ было необходимо такъ говорить: безъ этого разсказанная Вами исторія не нашла бы вѣрующихъ. Вы говорите, неправда ли, что требовали слѣдствія? Это роль, которую Вы теперь себѣ даете. Вы лжете въ этомъ и доказательство — Ваше собственное письмо. Гдѣ въ немъ есть хоть одно слово, которое бы вызывало Кн. Воронцова на передачу Вамъ записки? Я уже и не спрашиваю: требовали ли Вы въ самомъ дѣлѣ ея, но даже желали ли Вы этого? Есть ли хоть что нибудь въ Вашемъ письмѣ о слѣдствіи? "Мнѣ бы "любопытно было знать, кто осмѣлился позволить "себѣ такую дерзкую штуку, это дѣйствіе, не и-"мѣющее названія." Замѣтьте, М. Г., это очень важно, это письмо писано въ отвѣтъ на *post-scriptum*, въ которомъ Кн. Воронцовъ съ благороднымъ чувствомъ къ чести своего противника, предупреждаетъ его мысль о слѣдствіи, тогда какъ теперь его осмѣливаются обвинять, что онъ затушилъ все дѣло влія-

ніемъ и могуществомъ своего имени. "Подлинную "я счелъ своимъ долгомъ оставить у себя вмѣстѣ "съ Вашимъ письмомъ и при свиданіи буду готовъ "передать Вамъ ее, въ надеждѣ, что она послужитъ "Вамъ для открытія руки, которая ее написала." Не знаю, отправлялись ли Вы къ Вашему родственнику Министру Полиціи, Кн. Василію Долгорукову, или пожалуй скажемъ, что Вы были у него, пусть это будетъ совершенная истина, но Вы не показывали ему письма Кн. Воронцова: это невозможно, потому что, по содержанію его, не возможно, чтобы Вамъ, съ этимъ письмомъ въ рукахъ, отказали въ слѣдствіи тѣми гнусными словами, какъ Вы говорите. Имя Воронцова и его званіе Андреевскаго кавалера не могли быть препятствіемъ къ слѣдствію: онъ самъ вызывалъ его въ своемъ письмѣ. Въ Вашемъ отечествѣ, въ этой Россіи, которую Вы поносите и на которую, можетъ быть, клевещете, гдѣ знатные люди, по Вашимъ словамъ, пользуются правомъ безнаказанности за дѣйствія, для простолюдиновъ составляющія преступленіе подлога, въ этой Россіи, еслибъ даже и для другаго, кого нибудь, правосудіе дѣйсвительно было безсильно, то предъ Вами затрудненія получить его падали, — заставы опускались предъ Вами и Вашимъ противникомъ. Слѣдствіе было бы назначено, а не отказано въ немъ, какъ Вы раз-

сказываете. Вотъ гдѣ ложь, поличная ложь, чудовищная ложь! кажется я вправѣ такъ выразиться.

Я оканчиваю тѣмъ же, чѣмъ началъ и возвращаюсь къ своей исходной точкѣ. Еслибъ Кн. Долгоруковъ былъ невиненъ, онъ бы представилъ на судъ публики всѣ факты, всю исторію этого дѣла, точно, вѣрно, подлинно, какъ въ протоколѣ. Онъ бы ихъ не измѣнилъ и не исказилъ. Онъ бы не прибѣгнулъ ко лжи, которая доказываетъ его виновность, и которая громоздится противъ него, рядомъ съ матеріальными полными доказательствами, еще болѣе тяжкія — нравственныя.

Я исполнилъ, М. Г., свою обязанность въ мѣрѣ силъ своихъ. Если свѣтъ, если публика слышитъ эти пренія, эту защиту славной памяти противъ недостойныхъ нападеній, противъ безнравственнаго дѣйствія, которое я раскрылъ предъ Вами, она скажетъ, что сынъ Фельдмаршала Воронцова исполнилъ свою обязанность, священную обязанность, которую налагали на него и его сыновняя любовь и охраненіе своей чести. Выскажу и желаніе моего сердца, это — чтобы также публика вмѣстѣ съ тѣмъ сказала, что защитникъ его исполнилъ честно и добросовѣстно свою почетную обязанность.

Затѣмъ остаюсь при своихъ заключеніяхъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прибавляемъ нѣсколько словъ къ нашему переводу. Процессъ окончился, приговоръ произнесенъ въ открытомъ судилищѣ, предъ публикою. Послѣ двухъ засѣданій, о которыхъ мы упомянули въ нашемъ предисловіи, было еще три: 20 и 27 Декабря и 3 Января. Въ первое, 20 Декабря, адвокатъ Кн. Воронцова, Г. Матьё, говоритъ снова. Онъ въ особенности опровергалъ два положенія рѣчи своего противника, Г. Мари, первое о политическомъ будто бы, а не частномъ значеніи иска Кн. Воронцова, и второе — о ненадежности матеріальныхъ доказательствъ, вытекающихъ изъ сличенія почерковъ. Краткая рѣчь его, которой, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ вполнѣ для перевода, была, какъ нельзя болѣе, убѣдительна. Онъ доказалъ подлиннымъ письмомъ Кн. Воронцова, писаннымъ тотчасъ по появленіи въ

свѣтъ статьи *Courrier du Dimanche*, что онъ принялъ ее живо къ сердцу, какъ личное дѣло чести отца и тотчасъ принялся отыскивать путь къ ея огражденію и торжественному опроверженію клеветы. Г. Матьё, очень удачно также, подкрѣпилъ свои матеріальныя доказательства противъ ораторскаго негодованія Г. Мари. На эту рѣчь Г. Матьё, въ то же засѣданіе, Г. Мари отвѣчалъ импровизированнымъ возраженіемъ, очень бойкимъ, въ отношеніи ораторскомъ, но весьма бѣднымъ въ смыслѣ матеріальномъ адвокатской судебной защиты. Ни одного положительнаго факта не высказано имъ въ пользу своего кліента, а между тѣмъ ораторское увлеченіе приводило его не разъ къ колкимъ и рѣзкимъ оборотамъ, которые едва ли могутъ извиняться даже и при самой очевидной правотѣ, основанной на фактахъ.

Въ засѣданіе 27 Декабря такъ называемый Императорскій адвокатъ, *Avocat Impérial*, Г. Севериень Дюма, долженъ былъ представить Суду общій выводъ изъ обоюдныхъ доказательствъ сторонъ. Онъ сдѣлалъ это рѣчью, весьма сильною и выставлявшею положительно справедливость иска Кн. Воронцова и виновность Кн. Долгорукова. Но онъ этимъ не ограничился: къ доказательствамъ адвоката Кн. Воронцова онъ прибавилъ еще новыя, свои, въ вы-

водахъ изъ слiченiя писемъ, которыхъ Г. Матьё не дѣлалъ, и въ совершенно новыхъ фактахъ какъ на примѣръ: записка Кн. Долгорукова къ Гр. Шувалову. Общее мнѣніе публики, отдавая справедливость таланту, съ которымъ Г. Дюма составилъ свой докладъ, отозвалось однако невыгодно объ этомъ страстномъ, или лучше пристрастномъ изложеніи со стороны лица, которое должно было держать справедливое, спокойное и безстрастное равновѣсіе между преніями обѣихъ сторонъ. Впрочемъ это явленіе довольно обыкновенно во французскихъ Генеральныхъ и Императорскихъ прокурорахъ и адвокатахъ. Безстрастіе въ справедливости не есть черта, которая ихъ отличаетъ и мы очень мало припоминаемъ процессовъ, гдѣ бы въ изложеніи этихъ лицъ не примѣшивалось страстныхъ, а иногда личныхъ и другихъ видовъ. Здѣсь же именно неудовольствіе публики было возбуждено тѣмъ, что въ ходѣ дѣла подозрѣвали вліяніе нѣкоторыхъ могущественныхъ лицъ теперешняго здѣшняго Правительства.

3 Января послѣдовало рѣшеніе и прочтенъ приговоръ. Въ соображеніяхъ Суда, предшествующихъ ему, Кн. Долгоруковъ признанъ не только поносителемъ чести Фельдмаршала Кн. Воронцова, но еще клеветникомъ и авторомъ безъименной записки,

а слѣдовательно и того поступка, къ которому она клонилась. — Но такъ какъ искъ былъ гражданскій и Кн. Воронцовъ не просилъ денежнаго вознагражденія, то Кн. Долгоруковъ присужденъ къ уплатѣ лишь всѣхъ издержекъ процесса, кромѣ одной шестой части, падающей на *Courier du Dimanche*, и къ опубликованію приговора на его счетъ въ пяти журналахъ, 3 во Франціи, 1 въ Лондонѣ и 1 въ Петербургѣ по выбору Кн. Воронцова.

Внимательно прослѣдивъ это дѣло, мы не находимъ ни одного слова возраженія противъ приговора, и съ уваженіемъ преклоняемся предъ состоявшимся судомъ, какъ бы, въ какой бы странѣ и въ какихъ бы условіяхъ онъ ни состоялся. И по нашимъ законамъ подписанное рѣшеніе Суда равно самому закону.

Но если этому рѣшенію нѣкоторые, можетъ быть, многіе изъ нашихъ соотечественниковъ думаютъ въ самомъ дѣлѣ придать политическое значеніе, — значеніе побѣды надъ русскими либеральными мнѣніями, значеніе униженія этихъ мнѣній, — то мы, самымъ этимъ изданіемъ, громко и гласно заявляемъ, что это ошибка и ослѣпленіе. Либеральному меньшинству Россіи нечего дѣлать съ Кн. Долгоруковымъ и не только солидарности, но даже и откровенныхъ отношеній между ними не было и не могло быть.

Либеральныя мнѣнія допускаютъ много разнообразія, но въ величайшемъ своемъ разнообразіи они не найдутъ мѣста мнѣніямъ Кн. Долгорукова, желчно аристократическимъ и честолюбиво-революціонернымъ. Пусть же тѣ, которые въ этомъ процессѣ думали найти гибель и униженіе либерализма, успокоятся и откинутъ пустое и опасное обольщеніе. Либерализмъ, во всѣхъ видахъ, отъ скромныхъ желаній меньшинства въ Россіи, до грозныхъ требованій русскихъ изгнанниковъ за границею, остается цѣлъ и невредимъ, всегда готовый на дѣло и двигающійся, роковыми законами, все болѣе и болѣе поступательнымъ шагомъ.

Мы не могли удержаться, чтобы не высказать этихъ словъ передъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое видимъ вокругъ себя, послѣ процесса Кн. Долгорукова.

Парижъ, 7 Января 1862.

